

ГЕНИИ ВЛАСТИ

ВЕЛИКИЙ СТАЛИН

СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ

Сергей Кремлев

Великий Сталин

Серия «Гении власти»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2818395

Кремлев С. Великий Сталин. Менеджер XX века: Яуза-пресс; Москва;

2011

ISBN 978-5-9955-0257-9

Аннотация

Несмотря на полвека тотальной антисталинской пропаганды, которая в годы «перестройки» переросла в настоящую вакханалию лжи, несмотря на безудержную клевету, подтасовки и очернение прошлого – имя Сталина по-прежнему популярно в народе. Более того, даже в молодежной среде отношение к нему на глазах меняется к лучшему, происходит радикальная переоценка его роли в истории, все чаще вспоминаются слова Черчилля: «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой». Величие Вождя особенно очевидно теперь, когда мы можем сравнить катастрофические результаты последнего 25-летия «либеральных реформ», разграбления страны и геноцида русского народа с итогами великой Сталинской эпохи – за те же четверть века, прошедшие с конца 1920-х гг., когда Сталин обрел реальную власть, до его трагической гибели в проклятом 53-м, Вождь успел совершить невозможное, превратив нищую,

полуграмотную, разоренную гражданской войной страну в ядерную Сверхдержаву и лидера научно-технического прогресса, искоренив кровавую «ленинскую гвардию» и «пятую колонну», победив в Великой Отечественной войне, возродив из пепла Великую Россию. И что бы там ни ввали враги народа и «дети Арбата», именно Сталин заслуживает звания величайшего ГЕНИЯ ВЛАСТИ XX века!

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	28
Глава четвёртая	41
Глава пятая	59
Глава шестая	84
Глава седьмая	92
Глава восьмая	108
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Сергей Кремлев Великий Сталин. Менеджер XX века

Часть первая Гений у власти

«Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками».

В.И. Ленин. Полное собрание сочинений, издание 5-е, т. 2, стр. 178

Глава первая Абсолютно первый...

Слова Ленина о том, что заслуги исторических деятелей судятся по тому, что они дали *нового* сравнительно со своими предшественниками, впервые увидели свет в 1897 году, когда в журнале «легальных марксистов» «Новое слово» бы-

ла опубликована ленинская работа «К характеристике экономического романтизма». Даже до возраста Христа Ленину было тогда далеко, а Сталин тогда пребывал вообще в юношеском возрасте. И поскольку гениальность в сфере социальной истории человечества выявляется лишь с годами, после того как влияние гения на общество становится очевидным, ни Ленин, ни Сталин обществом как гении не воспринимались.

Однако мысль Ленин высказал верную, и если судить исторические заслуги выдающихся исторических фигур по тому, что они дали нового по сравнению со своими предшественниками, Сталин оказывается здесь в первой «четвёрке» наиболее значительных реформаторов общества в мировой истории.

Как социальный *мыслитель* он, правда, замыкает эту «четвёрку», пропуская вперёд Маркса, Энгельса и Ленина, зато как *практический* преобразователь жизни человечества он её возглавляет, обходя даже Ленина. Ленин, в полном соответствии со своей формулой, дал миру новый тип общества, но Ленин успел лишь обозначить его контуры, а Сталин его *создал*. Он был продолжателем дела Ленина, но при этом Сталину пришлось столкнуться с такими небывалыми ранее социальными задачами, что их решение было невозможно без самобытного и масштабного социального новаторства ведущего политического лидера нации, то есть – Сталина.

В великой «четвёрке» Маркс – Энгельс – Ленин – Сталин

каждый твёрдо и последовательно стоял на стороне неимущего трудящегося большинства и считал, что интересы этого большинства может обеспечить лишь такой коренной политической переворот, который уничтожит источник эксплуатации человека человеком – частный капитал, частную собственность. Но мировой рейтинг политических гениев власти включает в себя также тех, кто мыслил противоположно, но был всё же гениальным властителем или, по крайней мере, таковым считался или считается.

К тому же реформатор реформатору рознь. Есть великие реформаторы, не испытавшие бремени реальной государственной власти. Так, удачливый гениальный реформатор религии и средневековой жизни Мартин Лютер никогда не обладал властными полномочиями. В то же время неудачливый гениальный реформатор религии и средневековой жизни Джироламо Савонарола одно (пусть и недолгое) время был не только властителем умов и сердец сограждан, но и фактическим правителем Флорентийской республики.

Есть государственные деятели, традиционно относимые к разряду гениев – тот же Черчилль, которые, по большому счёту, не были самостоятельны в своих действиях, а лишь обслуживали интересы имущих, подлинную власть. Встречаются промежуточные варианты, как, например, Наполеон. Его действия далеко не всегда программировались интересами французской элиты, его породившей, и часто император поступал так, как считал нужным сам, даже если это шло

Франции или её элите во вред. А вот Пётр Великий действовал всегда в интересах, как он их понимал, «Отечества, ему вручённого». Зато действия Александра Македонского имели своим исходным импульсом почти исключительно его личные желания и устремления.

Но по каким бы признакам мы ни определяли гениально-го властителя, Сталин не уступает никому, в том числе и как гений власти в её, так сказать, химически чистом виде. Все остальные известные в мировой истории крупные лидеры наций и государств, включая Александра, Цезаря, Октавиана Августа, французского Генриха IV, Наполеона, Бисмарка, Франклина Делано Рузвельта, Черчилля, де Голля, Ганди, Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Эрхарда и т. д., не выдерживают со Сталиным никакого сравнения. Он – не просто гений власти, но абсолютно первый гений власти, сумевший на протяжении всего своего возвышения наращивать не только личное величие, но и величие того общества, которым он руководил.

Что дал нового по сравнению со своими предшественниками на посту президента США Франклин Делано Рузвельт? Он дал «новый курс». Но это была хотя и выдающаяся, спасающая капитализм мера, однако мера вынужденная, без русского Октября 1917 года невозможная. Рузвельт *мог бы* стать действительно великой исторической фигурой, если бы остался жить после войны и обеспечил дружественное развитие отношений с СССР. Однако именно поэтому он так

скоропостижно и «неожиданно» умер в самом конце войны. Имущей наднациональной элите Рузвельт более был не нужен, как не нужен был ей прочный мир в мире. Ей нужна была подготовка к новой войне или как минимум сохранение прибылей военного производства.

Что дал нового по сравнению со своими предшественниками в английской политике Черчилль? По сути – лишь «новые, «особые», отношения» Британии с Соединёнными Штатами Америки, означавшие переход Англии на положение то ли младшего партнёра, то ли старшего слуги США. Внешняя и внутренняя политика Черчилля ослабляла Британию. Недаром сразу же после окончания войны Черчилля отстранили от руля высшей власти сами английские избиратели.

А Сталин дал миру новую, полностью самобытную мировую державу и тем самым дал миру абсолютно новую эпоху! И влияние великого «русского грузина» на ход мировой истории оказалось так велико, что об эпохе, связанной с его именем, можно говорить как о дрящущейся поныне.

Сказать так – не значит преувеличить! В год 130-летия Сталина еженедельник «Коммерсантъ ВЛАСТЬ» привёл первую десятку лиц, чаще других упоминавшихся во «Власти» в 2009 году. По состоянию на ноябрь положение было таково: Путин – 163 раза, Медведев – 127, Обама – 68, Лужков – 41, Ходорковский – 35, **Сталин – 34**, Кудрин – 28, Р. Кадыров – 26, Буш – 24, Грызлов – 24.

Как видим, Сталин и сегодня реально участвует в текущем политическом процессе. При этом ставить ему в главную заслугу лишь индустриализацию и Победу так же глупо, как глупо ставить ему в вину репрессии 30-х годов или начало войны, которое, к слову, прошляпил кто угодно, но только не Сталин.

Со дня смерти Сталина прошло уже более полувека, но и сейчас вокруг его имени закипают отнюдь не академические страсти. «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» – сказал Маяковский тогда, когда Ленина уже не было, а Сталин лишь начинал свой трудный путь гения-реформатора. Но сегодня блестящую оценку поэтом значения Владимира Ленина для мира можно в полной мере перенести и на его единственного гениального соратника и ученика – Иосифа Сталина. При этом даже на Ленина сегодня не клеветают так злобно, как на Сталина. И это лучше чего-либо другого доказывает, что Сталин был, остаётся и будет вечно живой фигурой в бытии России.

Кто-то его проклинает, кто-то защищает, но Сталин не нуждается в защите. Он нуждается всего лишь в объективной, аргументированной, а не эмоциональной оценке. И объективный исследователь эпохи неизбежно придёт к практически полному историческому оправданию всех действий как лично Сталина, так и государственной власти, им возглавлявшейся, потому что *Сталин как историческая фигура оказался – как никто другой в мировой истории,*

кроме, разве что, Петра Великого, – *воплощением исторической необходимости.*

Широко известны слова Сталина о том, что мы отстали от передовых стран на пятьдесят-сто лет и должны пробежать их за десяток лет, иначе мы погибнем. Это была не просто крылатая фраза, а точное определение того положения, в котором оказалась Россия после всех исторических передышек первой четверти XX века.

А развитая эпоха Сталина – период с 1939-го по начало 1953 года – стала временем наибольшего выявления и проявления творческих сил и возможностей тысячелетней России. При этом грандиозные последующие успехи России во всех сферах жизни в 50-е годы и даже в 60-е годы системно вытекали из предыдущих усилий СССР Сталина и самого Сталина как лидера СССР.

Фигура Сталина настолько объёмна, что даже в толстой книге невозможно охватить всё, что он сумел совершить. И совершить в настолько различающихся областях деятельности, что это выглядит для одного человека невероятным. Скажем, Сталин – при том, что он был компетентен как организатор экономики, науки и техники, как Верховный Главнокомандующий – оказался также крупным реформатором культуры. При его непосредственном идейном участии формировалась новая культура не факта, а поступка, причём поступка яркого, созидательного. Чтобы понять это, достаточно прочесть записи ныне опубликованных его бесед с лите-

раторами, кинематографистами.

Впрочем, Сталин оказался оплотом не только умного новаторства, но и умной традиции – даже в мелочах, вернув, например, в русский алфавит ту звонкую букву «Ё», которая появилась в русской грамматике ещё в екатерининские времена.

А решение Сталина вернуть в жизнь страны русский офицерский мундир с его самыми широкими в мире погонами, делающими их носителя сразу статным?! Это ведь тоже элемент национальной культуры, в отличие от нынешнего антинационального «кича» уродливых генеральских и офицерских фуражек-«аэродромов»!

В этой книге о Сталине мне не хотелось бы сколько-нибудь подробно анализировать и опровергать приевшиеся любому мало-мальски нормальному человеку рассказы о ГУЛАГе и т. д. Надоело, ибо тема «репрессий» ныне густо залеплена не столько кровью, сколько грязью. Но останавливаться на этой теме нам далее придётся, как и ещё на одном деянии, инкриминируемом Сталину в качестве преступного, а на самом деле – великого и для России спасительного. Это, конечно, коллективизация. И она имела в своей основе не произвол Сталина, а точное научное обоснование, сделанное выдающимся представителем классической русской экономической школы Василием Сергеевичем Немчиновым (1894–1964).

Специалист в области экономики сельского хозяйства и

аграрных отношений, Немчинов был не политиком, а учёным и в конце 20-х годов входил в коллегию ЦСУ СССР. Тогда уже было ясно, что без форсированной индустриализации Россия окажется сметённой с исторической арены приближающимися глобальными бурями. Немчинов же показал, что некооперированное село прокормить индустриализованную страну не сможет. Иными словами, форсированная индустриализация была невозможна без форсированной коллективизации сельского хозяйства. И преступлением перед будущим страны был бы отказ от коллективизации, а не проведение её.

Правда обо всём этом всё чаще прорывается в массовое общественное сознание, и, как ни старались нынешние «влазтителы во власть» и фальсификаторы истории, правда Сталина и о Сталине не убита. В последнее время это проявилось в серии телевизионных «Судов истории», «вчистую» проигранных «властью», а чуть ранее – в скандальном для «власти» ходе телевизионного же конкурса «Имя России», проводившегося телеканалом «Россия» при подключении к проекту Института российской истории РАН и фонда «Общественное мнение». Напомню, что гражданам России необходимо было выбрать одно – самое недюжинное, самое выдающееся, самое прославленное имя, которое наиболее точно олицетворяет собой Россию всех времён и которым Россия может гордиться и хвалиться перед всем миром. Проект был объявлен, и вскоре начались конфузы: первые

места в рейтинге устойчиво заняли Ленин и Сталин. И позиции Сталина всё укреплялись...

Замять скандал в «благородном семействе» до конца так и не удалось. А первым в итоге фактически стал ненавистный «власти» Сталин.

Текущие «тоталитарные» результаты голосования обсуждал конгресс США, о них толковали в Европе... Еженедельник «Аргументы и факты» устами Вячеслава Костикова ехидно сообщал о том, что элитная-де российская общественность в шоке: мол, что подумают о нас в Париже, Лондоне, Вашингтоне?.. Впрочем, тот же Костиков заявлял, что «высочайшие рейтинги Сталина – это откровенная народная пощёчина нынешней элите, вотум недоверия её морали и дееспособности».

Что ж, пощёчину от народа «россиянская» «элита» давно заслужила – за всё, совершённое ею во зло Отечеству в большом и малом. Заслужила не только за украденную мощь Державы, но и за украденную ныне у русского языка букву «Ё». Эту, самую молодую в русском алфавите букву ввела в оборот Екатерина II Великая по предложению своей подруги графини Екатерины Романовны Воронцовой-Дашковой, президента Российской академии.

После Октябрьской революции звонкая буква «Ё» была незаслуженно изъята из алфавита вместе с действительно утяжеляющими письменную речь старославянской буквой «Ять», твёрдым знаком в конце слов, оканчивающихся на

согласную букву, и буквой «Фита». Последняя была заимствована старославянским алфавитом – по оценке Даля, «без нужды» – из греческого унциала для передачи греческого же межзубного звука («тэта»).

Но в декабре 1942 года Сталин, просматривая материалы, подготовленные для публикации в «Правде», проставил в них точки над всеми буквами «ё», и на следующий день, 7 декабря 1942 года, передовица «Правды» вышла с дважды екатерининской буквой «ё» в заголовке и в тексте.

В тот день, как и каждый день до этого, начиная с 19 ноября 1942 года, над русской зимней степью под Сталинградом ревели реактивные снаряды русских гвардейских миномётов со знаменитым названием «Катюша». Так – на первый взгляд причудливо, а в действительности глубоко закономерно, – в маленькой, но вовсе не мелкой детали жизни России Сталина переплелись тогда богатство русской речи, судьбы двух выдающихся русских Екатерин, имя русского грозного оружия и деятельность Председателя Государственного Комитета Оборона, Верховного Главнокомандующего, Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, Народного Комиссара обороны СССР и Генерального секретаря Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)...

Сталин стоял у кормила государственного корабля Российского государства почти тридцать лет. Почти четыре года из этих тридцати – с осени 1941 года по весну 1945 года

– Сталин входил в состав «Большой Тройки» мировых лидеров, но как бледно выглядят на фоне личности, дел, обязанностей и задач Сталина два остальных члена этой «Тройки» – президент США Рузвельт и британский премьер Черчилль. А ведь они считаются, и не без оснований, двумя наиболее яркими и значительными политическими гениями Запада в XX веке.

Что ж, может, это и так.

Но Сталин всё равно – абсолютно первый!

Глава вторая

Воплощение исторической необходимости

Без Сталина и Ленина могучей России просто не существовало бы! Если бы Россия после Первой мировой войны осталась в мировой капиталистической системе, она была бы превращена в задворки Запада уже в силу огромной внешней задолженности. А расплачиваться России было бы нечем, кроме своих недр, лесов и прочих ресурсов.

Тем не менее имена Ленина и Сталина в России оклеветаны. Но это предвидел сам Сталин, когда в разговоре с Александрой Михайловной Коллонтай, тогдашним послом СССР в Швеции и старым своим товарищем по партии, он сказал осенью 1939 года: «Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплётаны прежде всего за рубежом, да и в нашей стране тоже... И моё имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний».

Между прочим, как вспоминала Александра Михайловна, Сталин тогда, размышляя о роли личности в истории, выстроил собственный рейтинг славных имён России. Начал он с киевских князей, затем перечислил Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана Калиту, Ивана Грозного, Петра Первого, Александра Суворова, Михаила Кутузова, а за-

кончил – как нетрудно догадаться – Лениным.

А ныне объективному и знающему всю историю своей Родины гражданину России, выбирая *имя России*, непросто выбрать между Лениным и Сталиным.

Я приведу сейчас цитату, выделив её отдельно, а читатель пусть попробует отгадать, кто и когда это сказал.

Итак:

«...«По-видимому, «союзники» собираются превратить Россию в британскую колонию», – писал Троцкий в одной из своих прокламаций в Красной Армии. И разве на этот раз он не был прав? Инспирируемое сэром Генрихом Детердингом (международный «нефтяной» король, лишившийся в Баку немало количества нефтяных скважин. – С.К.) или же следуя просто старой программе Дизраэли-Биконсфильда (британский лорд из евреев, самый деятельный ненавистник России во второй половине XIX века. – С.К.), британское министерство иностранных дел обнаружило дерзкое намерение нанести России смертельный удар... Вершители европейских судеб... надеялись одним ударом убить... возможность возрождения сильной России... С... другой стороны – на страже русских интересов стоял не кто иной, как... Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

Ну, кто оценил большевика Ленина так высоко? И когда?

Верный ответ: великий князь Александр Михайлович написал это в эпилоге своей «Книги воспоминаний» в Париже в 1933 году, незадолго до своей кончины.

И дядя императора – того самого Николая II, знал, что писал. Его племянничек к 1917 году довёл Россию до положения если не колонии, то будущей полукolonии Запада уже потому, что, вляпав Россию в абсолютно ненужную ей войну с немцами, он довёл внешний долг России, и до этого более чем немалый, до умопомрачительных размеров. Только краткосрочных обязательств у международных банкиров типа Ротшильда Николай набрал на сумму, равную трём довоенным годовым государственным бюджетам России.

То есть к 1917 году Николай II, которого ныне усиленно нахваливают, запродавал Россию Западу три раза! Хорош «великий россиянин», нечего сказать!

И Запад прекрасно знал, чем станет для него Россия Николая ли Второго, Михаила ли Первого или Россия профессоров Милюковых и заводчиков Рябушинских. «То, что мы наблюдаем в России, является началом великой борьбы за её неизмеримые ресурсы сырья», – сообщал в мае 1918 года журнал англо-русских финансовых кругов «Россия».

А вот оценка «London financial news» в ноябре 1918 года:

«События всё более принимают характер, свидетельствующий о тенденции к установлению над Россией международного протектората по образу и подобию британского плана для Египта. Такой поворот

событий сразу превратил бы русские ценные бумаги в сливки международного рынка».

О том же 4 января 1920 года знаменитый кадет профессор П.Н. Милюков писал из Лондона на «белый» Дон графине Паниной:

«Теперь выдвигается (на Западе. – С.К.) в более грубой и откровенной форме идея эксплуатации России как *колонии* (выделение Милюкова. – С.К.) ради её богатств и необходимости для Европы сырых материалов...»

Это ничего не напоминает уважаемому читателю?

Подобных откровений того и более позднего времени можно было бы набрать на целую книгу, но и этих, пожалуй, хватит! Стоит ли разбавлять крепкий спирт исторической правды водопадом даже самых убийственных цитат?

В начале XX века «сливки надежд» Запада на разграбление России скисли – благодаря Ленину. И уже этим Владимир Ильич вошёл в число самых выдающихся русских людей за всю тысячелетнюю историю России. Но он ведь ещё и дал Ивану да Марье шанс избежать судьбы Ванек и Манек, живших в России испокон веку и испокон веку её не знавших, а значит, и не ценивших. Великий русский патриот, он сказал:

«...Учиться работать – эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем её объеме. У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который

дала народному творчеству великая революция, – чтобы создать действительно могучую и обильную Русь.

Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберёт все свои силы, если напряжёт каждый нерв, натянет каждый мускул... Идти вперёд, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать не покладая рук над созданием дисциплины и самодисциплины, организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил – таков путь к созданию мощи... Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата».

Ленин дал великому народу великий социальный шанс. Но реализовал его Сталин.

Ленин дал России много и мог дать неизмеримо больше. Но он погиб в 1924 году, и невыполненную им работу по преобразению России выполнил Сталин. И она оказалась огромной даже по сравнению с той работой, которую Ленин выполнить успел. За свою государственную жизнь Сталин сделал для России так много, что здесь с ним можно сравнивать лишь русского же Петра Великого, но даже Пётр не выдерживает сравнения со Сталиным по масштабу и смыслу великих созидательных дел.

Так, один из российских экономистов десять лет назад писал: «Далеко не все поняли социально-экономический смысл сталинского периода российской экономики. Жесто-

чайшими, часто варварскими методами (подобно эпохе Петра I) в кратчайшие сроки совершился переход от аграрной цивилизации к индустриальной. То, чего не успел сделать российский капитализм, сделала командная экономика».

Однако сталинская экономика, во-первых, не была ни варварской, ни командной – её подкреплял постоянно совершенствующийся механизм планирования и управления. Если же иметь в виду, например, знаменитый предвоенный Указ о запрещении самовольного оставления работы с установлением уголовной (к слову, очень мягкой) ответственности за трудовые нарушения, то он был вызван необходимостью укрепить расшатавшуюся трудовую дисциплину. Из-за прогулов и из-за «летунов» наша экономика даже в конце тридцатых годов не использовала по некоторым отраслям до трети своего потенциала!

Во-вторых, экономика сталинского СССР сделала то, чего российский капитализм не «не успел» сделать, а не сумел бы сделать, поскольку после Первой мировой войны России, опутанной внешними и внутренними долгами, была уготована судьба полуколонии Запада.

В-третьих, в сталинском СССР совершился переход не от «аграрной» цивилизации к «индустриальной», а переход от цивилизации полуфеодально-полубуржуазной к основам цивилизации социалистической. И уже поэтому сравнение Сталина с Петром, а петровской России – со сталинским СССР неверно. Ведь здесь различно всё: движущие силы, приори-

тетные интересы, конечные цели и методы их реализации.

Лично Петром двигали интересы государства, Отечества, но в своих реформах он был ограничен тем, что исполнителями его реформ могли быть и были представители и выразители воли и интересов имущих слоёв России. Целью Петра было развитие и укрепление экономического, военно-политического и технологического потенциала государства. Социальные реформы не были даже отдалённой его целью.

Сталин же проводил преобразование России с вполне ясной целью: создание общества, организуемого и управляемого в интересах массы выборными представителями этой массы. Уже в силу этого различались и методы. Пётр не мог широко действовать методом убеждения, потому что это – в его случае – ни к чему не привело бы. Как и чем можно было убеждать крепостных людишек фельдмаршала Шереметева или работных людей Демидова?

Для Сталина же методы убеждения, агитации, пропаганды, культурного строительства и просвещения являлись основополагающими. Принуждение же во всех его формах было вынужденной – крайней и временной – мерой.

А протаскиваемый ныне в «национальные герои» царь Николай Второй?

Что ж, в день Ходынской катастрофы, когда по больницам Москвы стонали тысячи людей, а в московских моргах лежали тысячи трупов, Николай отправился на коронационный бал в чужеземное посольство, за что и получил сразу

прозвище «Николай Кровавый».

В день 9 января 1905 года Николай Кровавый устроил русскому народу Кровавое воскресенье, и пусть нынешние «россиянские» историки не сваливают вину на его генералов. «Приход» всегда и везде таков, каков у него «поп»...

Ленин же в 1918 году «за други своя», за рабочих русских людей, пролил кровь, раненный отравленными пулями Фанни Каплан.

Николая Второго прозвали ещё и «Царскосельским сусликом», потому что на протяжении всей своей императорской «карьеры» он прятался за оградой штыков в Царско-сельском дворце.

А Ленин бесстрашно шёл к народу со словами правды и ранен был тогда, когда говорил с народом, не боясь его и презирая угрозы врагов народа.

«Царскосельский суслик» не верил в творческие силы собственного народа. И этому коронованному «суслику», в свою очередь, отказывали в праве на доверие все честные и развитые русские люди даже из «верхов» царского общества. Скажем, Владимир Ефимович Грум-Гржимайло – крупнейший учёный-металлург России.

Родился он в 1864 году, умер в 1928-м... А в 1924 году отправил за границу частное письмо. Как же видел жизнь своей Родины человек, проживший пятьдесят три года своей жизни в благополучии при царях и семь – в тяжёлых испытаниях при Советской власти? А вот как:

«Позвольте познакомить вас с тем, что такое русский народ и Россия сейчас... Главы революции... медленно, но неуклонно жмут и жмут публику, заставляя лодырей работать. Трудна их задача, так трудна, что надо удивляться их терпению и выдержке. Процесс длительный, мучительный, но необходимый. От благополучного его разрешения зависит, останется ли Россия самодержавным государством или сделается, к восторгу наших «друзей», колонией и цветной расой, навозом для процветания культурных народов.

Я потерял во время революции буквально всё, что имел. В войсках Колчака я потерял сына и племянника. Тем не менее я ни на минуту не сомневаюсь, что победа красных и провал Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля и проч., и проч. есть благо. Больна была вся нация, от подёнщика до министра, от нищего до миллионера – и, пожалуй, интеллигенция была в большей мере заражена, чем простой народ. Она была распространительницей этой заразы лени и лодыричества...

Я считаю современный строй исторически необходимым для России. Империя Романовых воспитала в русском народе болезнь, которая кончилась взрывом – революцией. Современное правительство медленно, но неуклонно ведёт русский народ к выздоровлению. Лечение всегда мучительно, лекарство всегда горько, но надо его принимать и делать то, что приказывает доктор.

Я всегда боялся, боюсь и сейчас, что иностранное

вмешательство помешает русскому народу исцелиться от той болезни, которую заболел русский народ под глупым управлением последних Романовых. Как ни горько нам приходится, я вполне уверен в том, что переживаемые нами бедствия сделают нас великим и смелым, культурным народом-тружеником».

Интересно, как оценил бы Владимир Ефимович, один из выдающихся – на все времена – русских людей, состояние мозгов тех его потомков, которые в начале XXI века призывают голосовать или голосуют за «последнего Романова» как за олицетворение тысячелетней России?

Сам Владимир Ефимович не сомневался, как видим, в величии исторической миссии Ленина и его соратников даже тогда, когда эта миссия лишь начиналась. Но великий Ленин, повторяю, лишь дал России шанс на обновление. А создал новую Россию великий ученик Ленина – Сталин. И если бы металлург Грум-Гржимайло был перенесён некоей машиной времени в наши дни и узнал, как поднял Россию под руководством Сталина великий и смелый, культурный советский народ-труженик, то в нашумевшем конкурсе «Имя России» он бы без колебаний отдал свой интернет-голос за самого выдающегося сына России – Иосифа Сталина.

И вряд ли даже такой своеобразный наш современник, как Александр Минкин, из такого своеобразного издания, как московская газета «МК», смог бы по этому поводу что-то злобно съязвить.

Ведь «железного Грума» никак не запишешь ни в «красные», ни в «красно-коричневые».

Глава третья

Минкин, Млечин и Гитлер

О Минкины, о нравы! Или, вернее, «о Млечины, о нравы»!

Впрочем, один чёрт!

Понять ход мысли минкиных-млечиных вряд ли возможно хотя бы потому, что он явно шизофреничен. Ну, в самом-то деле, взять того же Минкина! Патологически ненавидя свою Родину и её *советскую* историю, быть то ли «золотым пером», то ли – «пером золотарским» в издании с названием «Московский *комсомолец*»! Ненавидеть комсомол и своё комсомольское прошлое и постоянно печататься в газете с таким названием? Такого раздвоения сознания никакая психика не выдержит! Волей-неволей, а чем-нибудь *эдаким* да заболеешь...

И вот, пытаясь заразить своей больной ненавистью всю нацию, от подёнщика до министра, от нищего до миллионера, «интеллигент» Минкин пишет о Сталине как о «недоучке», о «смолоду бандите», о «палаче», который якобы привёл к власти Гитлера и «уничтожил сельское хозяйство России»...

Николай Кровавый, между прочим, Минкину тоже не по нраву, и он – ценное признание – пишет, что «последний Романов был заурядный, слабовольный, недалекий господин» и «вообще ничего не сделал для России».

Тут спорить не с чем.

Зато Александр Минкин, имея в виду конкурс «Имя России», не прочь поставить на первое место в русской истории Александра Пушкина или Владимира Высоцкого, вопрошая: «А почему не эти Личности – первые?»

Мол, оба «гениально выразили характер и дух русского человека».

Что тут сказать? Судя по всему, у Минкина – надо же, тёзки светлого русского гения Александра Пушкина – не всё в порядке не только со знанием истории (даже самые злобные ненавистники Сталина не рискнули бы приписывать Сталину привод к власти Гитлера), но и с чувством юмора.

Зато с этим чувством всё и всегда было в порядке у самого Александра Сергеевича. И он – особенно если бы познакомился с «гениальным» творчеством Владимира Высоцкого – не оскорбился бы сравнению себя с хрипловатым певцом, а всего лишь искренне, *по-пушкински*, рассмеялся бы...

Причём он посмеялся бы над напыщенной глупостью Минкина не только по поводу сравнения себя с Высоцким, но и из-за минкинской попытки подольститься к памяти Пушкина, поставив его на первое место в пантеоне русской истории... Пушкин был не только поэтом, но также – мыслителем и философом, и он прекрасно сознавал свой исторический масштаб. Скажем, он был лишь певцом Полтавы, а Пётр – её творцом! Пётр говорил под Полтавой своим усачам: «Не за Петра, а за Отечество, Петру вручённое...»

Такого национального лидера Пушкин мог лишь воспеть. Но пытаться равняться с ним – увольте! В отличие от Александра Минкина, Александр Пушкин понимал суть исторических процессов.

Увы, Минкин не знает не только собственной истории и не разбирается не только в российской словесности, но ещё и слаб в знании нормативных для любого квалифицированного журналиста трудов современных европейских исследователей. Скажем, Минкин заявляет: «Самый известный немец на планете – Гитлер. Но у немцев сегодня ни в коем случае он не получил бы первое место. Его даже в список не включили бы. Для немцев отвратительна сама мысль, что у их страны может быть такое имя»...

Минкин здесь намекает, что и для него, мол, отвратительна сама мысль, что символом России может быть Сталин. В опровержение этого удивительного по злобе и несправедливости «намёка» по части Сталина я мог бы привести множество мнений даже не соотечественников Сталина, а иностранцев самых разных политических взглядов. Однако и по части оценок в Германии Гитлера – даже вполне респектабельными немцами – Минкин нахально невежественен. Возьмём, например, такого известного автора, как Иоахим Фест.

В 1973 году он, редактор одной из авторитетнейших германских газет «Франкфуртер альгемайне цайтунг», лауреат многих премий за деятельность в области науки и культуры,

в том числе – премии имени Томаса Манна, опубликовал тысячестраничную биографию Гитлера, быстро переведённую на 15 языков и изданную в разных странах миллионными тиражами.

И в своём «Предваряющем размышлении» к биографии Гитлера этот буржуазный либерал и интеллектуал написал вот что:

«...Если бы в конце 1938 года Гитлер оказался жертвой покушения, то лишь немногие усомнились бы в том, что его следует назвать одним из величайших государственных деятелей среди немцев, может быть, даже завершителем их истории. Его агрессивные речи... и его планы мирового господства канули бы, вероятно, в забвение как творение фантазии его ранних лет и лишь от случая к случаю вспоминались бы, к негодованию нации, её критиками».

Здесь налицо сожаление Феста о том, что Гитлер не ограничился возвратом в рейх Саара, Рейнской области, аншлюсом Австрии и включением в состав Германии этнически немецких Судет, а сломал себе голову на той самой России Сталина, глава которой – в интерпретации мировой истории А. Минкиным – якобы привёл фюрера к власти.

Любая попытка как-то сопоставить Сталина и Гитлера, уравнивая их, не только безнравственна, но и антиисторична. Они несопоставимы даже психологически! Сталин уже с молодости жил такой жизнью, которая закалила его нрав-

ственно раз и навсегда. Гитлер же формировался в среде даже не богемы, а полулюмпенов. В результате Гитлер оказался человеком стойкой внутренней идеи, но – без прочного нравственного стержня.

Сталин был могучим утёсом, о который разбивались любые бури. Гитлер же – бурной рекой, течение которой определяет не столько она сама, сколько обстоятельства.

Вот почему Сталина Золотой Запад всегда ненавидел и ненавидит.

Гитлера же этот Запад Золотой Элиты лишь недолюбливает, да и то в основном за то, что фюрер не смог одолеть Россию Сталина.

Вот и подтверждение сказанному...

В 1997 году «Нью-Йорк таймс» составила рейтинг ста наиболее выдающихся военных лидеров всех эпох. Не упомяну сейчас, кто там оказался первым – то ли фельдмаршал Монтгомери, то ли – генерал Макартур, но Адольф Гитлер шёл в рейтинге «Нью-Йорк таймс» номером 14-м.

Во втором десятке присутствовал Пётр Великий. Где-то в задах – Иван Конев и Георгий Жуков.

А вот для того, кто *пять лет управлял величайшей в мире войной*, кто разгромил Гитлера и руководил Коневым и Жуковым, места в этом «рейтинге» не нашлось вовсе.

Почему?

Да как раз потому, что убеждённый, выдающийся большевик Сталин и есть военный лидер всех времён и народов

номер один!

Никому другому в истории мира и близко не доводилось организовывать гигантские военные усилия громадной державы и её войск, взаимодействовать с союзниками, принимать стратегические решения в условиях постоянного дефицита времени, в быстро меняющейся обстановке и одновременно не упускать из рук политическое и хозяйственное руководство великой страной.

И при этом думать не только о её будущем, но даже не забыть о возврате в русскую литературу звонкой и одновременно очаровательно женственной буквы «Ё»...

Даже у Ленина, повторяю, были задачи скромнее! Не говоря уже о, например, Наполеоне...

Однако в рейтинг «Нью-Йорк таймс» попал не только Наполеон, но даже его маршал Мармон. Хотя Мармон в масштабах современной войны болтался бы где-то между уровнями командира корпуса и командующего армией. А у Сталина одних фронтов было более десятка, а число армий переваливало за полсотни!

Только один человек – его оппонент Гитлер – вынужден был решать задачи равного масштаба и характера, но он их в конечном счёте не решил. А Сталин – решил!

Александр Минкин сообщает, что в английском опросе, подобном затеянному телеканалом «Россия», а точнее – ставшему для телеканала «Россия» прототипом, первое место занял Черчилль, и заявляет, что это – «очень понятное

решение».

Вообще-то для знающего новейшую мировую историю это решение не так уж и очевидно. Черчилль был одним из тех, кто сознательно, в интересах США, втянул Англию вначале в Первую мировую войну, в результате которой Англия из мирового кредитора превратилась в должника Америки, а затем – и во Вторую мировую войну, в результате которой рухнула Британская империя, а сам британский лев оказался на положении дворняжки на заднем дворе у Вашингтона.

Но чёрт с ним – с сэром Уинстоном! Он даже во время войны, будучи премьер-министром, до полудня не вылезал из постели – пил чай, читал письма, принимал клерков и министров. Даже не в халате «рулил» воюющей Англией, а в ночной рубашке, из постели!

Да если бы на него в одночасье свалилась хотя бы десятая часть военных проблем Сталина, то «англичанин № 1» в этой самой «руководящей» постели тут же, пардон, и описался бы!

А Сталин? Сегодня его облик фальсифицирован донельзя! Вот, например, книга двух не только генетических, но и «духовных» – если здесь можно говорить о духовности – близнецов Жореса и Роя Медведевых «Неизвестный Сталин». Издана без указания тиража в 2001 году неким издательством «Права человека»... Два её автора, два шустрого брата-«историка», издавна играют в объективность, и в сво-

ей книге они даже признают, что Сталин был «несомненным патриотом исторической российской государственности», что он имел «огромную волю, большое трудолюбие и немалый (н-да! – С.К.) интеллект»...

Однако это – фарисейские «хвалы». Братья Медведевы – занятная, к слову, в истории России фамилия – уже в предисловии определяют Сталина как «вождя, диктатора и тирана». Что ж, вождём Сталин действительно был, зато в его натуре не было черт ни диктатора, ни уж тем более – тирана. Хотя, вообще-то, *реальный* Сталин поднялся выше любых привычных оценок в большей мере, чем кто-либо другой.

Сталин, безусловно, отвечал всем требованиям политического гения – начиная с незаурядной памяти и способности быстро и точно входить в новые для него вопросы. Однако он был не просто великим политиком, а социальным реформатором. А от социального реформатора не требуется ярко выраженной гениальности сродни бетховенской или ньютоновской. Он должен быть своего рода «многоборцем», и тут Сталин оказался силён так, как никто до него!

Правда, и соревноваться в этой категории ему было почти не с кем, потому что выдающиеся реформаторы, движимые исключительно интересами трудящегося большинства человечества, почти неизвестны истории. Маркс, Энгельс, Ленин, ну, может быть, Махатма Ганди...

И Сталин.

Интересна его характеристика, оставленная нам Алексан-

дрой Львовной Толстой. Дочь «зеркала русской революции» уехала из Советской России в 1929 году. По бумагам – в Японию, временно, с циклом лекций. По душевным же склонностям – навсегда, прихватив с собой (тоже «временно») коллекционную гитару работы Краснощёкова 1828 года.

Толстая отнеслась к Советской России злобно. В этом смысле можно говорить об Александре Толстой как о «зеркале русской интеллигенции». Стоя посреди своей Ясной Поляны, она за поваленными старыми «деревьями» не увидела и тупо не хотела видеть молодого подростка нового советского «леса». Она была более лояльна даже к царизму, когда – как она заявила в книге воспоминаний – книги её отца издавались для простого народа якобы в миллионах экземпляров.

И как раз в силу антисоветизма Толстой то, что она написала о своей единственной встрече со Сталиным, ценно психологической подлинностью:

«По внешности Сталин мне напомнил унтера из бывших гвардейцев или жандармского офицера. Густые, как носили только такого типа военные, усы, правильные черты лица, узкий лоб, упрямый, энергичный подбородок, могучее сложение и совершенно не большевистская любезность. Когда я уходила, он опять встал и проводил меня до двери».

И я вот думаю: «А как бы голосовала в проекте телеканала «Россия» она – после всего, что произошло в России и с

Россией с момента её «временного» из России отъезда?»

Попыткам извратить роль Сталина в русской истории много лет. Начал Троцкий, продолжают другие... Скажем, в предисловии к книге «Кто стоял за спиной Сталина?» её автор, историк Александр Островский, пишет:

«Если... вас интересует истина и вы действительно хотите понять, что представлял собою И.В. Сталин до 1917 г., как именно он, революционер, стал «могильщиком революции», давайте обратимся к фактам. Только на их основе может быть вынесен обвинительный или оправдательный приговор любому историческому деятелю. Только на основе реальных фактов можно понять трагедию русской революции, истоки советского термидора».

Увы, самого автора книги, изданной под названием, которое уже само по себе – провокация, истина интересует, похоже, постольку поскольку. И дело даже не в его непонимании того, что факты, вообще-то, всегда реальны, поскольку факт – это нечто бывшее в действительности, в реальности. Хуже то, что Островский и ему подобные вслед за Львом Троцким и ему подобными твердят о каком-то сталинском «термидоре» и т. д., не имея на то ни малейших оснований.

А ведь Лев Давидович Троцкий, заявив, что Сталин-де «ведет к термидору», сморозил одну из величайших глупостей в своей жизни. К тому же ещё и плохое знание истории обнаружил. Если уж вспоминать времена Французской рево-

люции, то надо было бы говорить (Троцкому) о некоем «18 брюмера» Сталина – по аналогии с переворотом Бонапарта, положившим конец полностью разложившемуся режиму Директории. Но «брюмер» Троцкому не подходил уже потому, что последняя фаза массового террора Французской революции приходится как раз на время сразу после «термидора», а после «брюмера» никаких массовых репрессий не последовало.

Вспомним, что это такое – «термидор»? Собственно, это название одиннадцатого месяца по республиканскому календарю, введённому Великой французской революцией. Он соответствовал периоду с 19/20 июля по 17/18 августа.

27/28 июля 1794 года (9-го термидора 2-го года республики) во Франции произошёл переворот. Он привел к падению революционной якобинской диктатуры и поставил у власти крупную буржуазию. Термидорианский переворот поднял наверх самые растительные слои буржуазных политиков, ориентированных на удовлетворение своих самых низменных, примитивных, животных интересов, и не более того. Была образована Директория, которая в считанные годы довела Францию «до ручки», после чего в 1799 году ей, как уже сказано, дал по шапке Наполеон Бонапарт. Академик Евгений Викторович Тарле писал об этих временах так:

«Разбойничьи шайки... приобрели характер огромного социального бедствия... Развал и беспорядок в полицейском аппарате к концу правления

Директории делали эти шайки почти неуязвимыми и подвиги их безнаказанными. Первый консул... (Бонапарт. – С.К.) переходил от одного неотложного дела к другому: от разбойников к Вандее, от Вандеи к финансам, а денег в казначействе (настоящих, металлических денег) не оказалось вовсе – хозяйничанье Директории привело к полному безденежью казны...»

Эта картина, замечу в скобках, характеризует не только прошлое Франции, но и весьма возможное будущее России – при сохранении в ней нынешнего положения вещей.

Так о каком сталинском «термидоре» может быть речь? В результате деятельности Сталина и его соратников было в считанные годы изжито даже минимальное влияние на жизнь страны остатков буржуазии – нэпманов и началось впечатляющее созидание нового общества. Позднее даже такой не имеющий особых поводов любить Сталина деятель, как Александр Керенский, сказал: «Сталин поднял Россию из пепла, сделал великой державой». А относительно «презренного металла» можно вспомнить, что в 70-е годы Молотов говорил поэту Феликсу Чуеву о том, что при Сталине в стране был накоплен такой огромный золотой запас, что платину «не показывали на мировом рынке, боясь обесценить».

Хорош «термидор»! Дай Бог такого «термидора» любой стране мира.

Вообще же в случае Сталина никакие исторические аналогии не работают, даром что Сталина порой сравнивали с

Иваном Грозным.

Сталин абсолютно самобытен и уникален. Он являет собой тип гениального вождя в чистом виде. А пытающиеся облаять его неизбежно разоблачают себя как моську. Ту самую крыловскую Моську, лаявшую на Слона для того, чтобы выглядеть ему равной.

Глава четвёртая

Русская история, русские вожди, «вожди» и Вождь...

Конкурс «Имя России» в основе своей – пример обезьянничанья с Запада. Но его значение для России оказалось намного более важным, чем аналогичные «рейтинговые» конкурсы на Западе. И поэтому я буду ещё не раз возвращаться к этому конкурсу. Так, не лишним было бы, пожалуй, задуматься: «А что, если бы после знакомства с историей России за последние, скажем, триста лет в голосовании в рамках проекта телеканала «Россия» приняли бы участие все поколения русского и всех других народов, связанных с Россией общей исторической судьбой? Каким был бы итог *такого* голосования?»

Что ж, чтобы ответить на этот вопрос, надо сказать о самом русском народе.

Русский народ – великий народ, и лишний раз он доказал это тем, что, не ведя крупных завоевательных походов, почти мирно распространился от Заполярья до Памира, от Карпат, от Балтийского и Чёрного морей до Восточной Сибири и Дальнего Востока, и даже имел свою – Русскую! – Америку. Причём русские не просто распространились, а сумели отразить все внешние нашествия, да так, что с ходом

веков Россия лишь усиливалась.

Но все выдающиеся события, все периоды в нашей истории показывают и доказывают, что для России особенно значимо то, что представляет собой верховная власть в России и чем эта власть руководствуется.

Если во главе России стоят умные патриоты, она обретает силу и перспективу.

Если у власти оказываются бездари и «Иваны, не помнящие родства», страна слабеет и дряхлеет.

Увы, в России чаще случалось второе. И очень часто её верховная власть была недостойна того народа, который был ей подвластен. Но даже в такие периоды разброда и шатаний Россия была сильна инициативой и жизненными силами наиболее славной части её народной массы.

Англичане говорят, что есть как бы два английских народа, отличающихся один от другого даже внешне – приземистое, несдержанное простонародье и стройная, сухощавая аристократия.

Так вот, и в русском народе – но во всём народе, как в самой толще его народной массы, так и в верхних его слоях, есть два принципиально отличающихся один от другого народа – народ Ивана да Марьи и народишко Ванек и Манек.

Причём подчёркиваю: Ванек и Манек всегда хватало и в самых «верхах» российского общества. Более того, в этих кругах они всегда преобладали.

Первый народ бил чужеземцев, второй народишко лизал

им пятки.

Первый создавал певучие, берущие за душу песни, второй – похабные частушки.

Первый в тяжёлую годину хмурил лоб, подтягивал пояс и засучивал рукава, второй – юродствовал.

Второй жил абы как, не очень интересуясь даже тем, что там есть за дальним лесом. Второй норовил отлежаться на печи, а первый...

А первый шёл за тридевять земель – не завоёвывая их, а органически вбирая их в круг русского дела.

Это было именно движение нации... Запад посылал в заморские владения вначале хищных авантюристов, затем – миссионеров, а затем уж – администраторов, колонистов.

А русский Иван, сын Ивана да Марьи, шёл в новые земли Западной, Средней, Восточной Сибири сразу как выразитель общей русской воли – в силу широты характера. И даже если он шёл вроде бы за ясаком и «мягкой рухлядью», то – в итоге – он шёл за судьбой Русской земли.

Это и по сей день поняли не все, и издавна понимали не все. Скажем, очень неглупый русский человек, Николай Александрович Бердяев, писал в своё время:

«Размеры русского государства ставили русскому народу почти непосильные задачи... И это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека... Нет у русских людей творческой игры сил. Русская душа подавлена необъятными русскими полями...

Необъятные пространства России тяжёлым гнетом легли на душу русского народа... Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самодеятельности... Русская душа ушиблена ширию...»

Вот так! Кто-то смотрел на мир из петровского «окна в Европу» и видел из него будущую могучую Россию. А кто-то, как видим, поглядывал на Россию из «окошка» своих интеллигентских раздумий и не понимал, что сама огромность русских пространств стала итогом активной самодеятельности лучшей части русского народа, результатом его спокойного движения в мир!

Сказали бы Ярославу Мудрому, Святому Владимиру, Илье Муромцу с Добрыней Никитичем и Алёшей Поповичем, Александру Невскому с Дмитрием Донским, Ивану IV Грозному с Ермаком Тимофеевичем, Афанасию Никитину, Семёну Дежнёву, Ерофею Хабарову, Харитону Лаптеву, «бомбардиру» Петру Великому, Михайле Ломоносову, Александру Суворову, Ивану Крузенштерну с Юрием Лисянским, Фердинанду Врангелю, Николаю Муравьеву-Амурскому, Геннадию Невельскому, Дмитрию Менделееву и миллионам Иванов да Марий, что русская душа ушиблена (!) ширию...

Думаю, что они вначале бы просто не поняли, что это говорится об их душах, а когда поняли бы, то спросили бы – возможно, с гневом, а возможно – и со смехом: «А тебя, мил-

человек, самого в детстве мамка случайно не ушибла?»

И если уж чем до кровавых синяков и ушибали русскую душу – так это идиотизмом правителей, абсолютно недостойных этой русской души. Как вот в наши дни.

Тысячу лет назад Россию в тёмной и бедной тогда Европе называли Гардарик – страна городов. И было их на Руси больше четырёх сотен!! Городов богатых, весёлых и праздничных, с людьми работающими и умелыми.

Говорят, что наши предки не смогли управлять и призвали на царство заезжих варягов... Это – ложь! Да, варяг Рюрик пришёл к нам из полуголодной Скандинавии на богатые русские мёды и хлеба, но пришёл *наниматься* на службу, как нанимались несколько столетий спустя в Италии полководцы-кондотьеры... И, надо сказать, Рюрик и его потомки честно отработывали свой хлеб, служа новой Родине не за страх, а за совесть...

И Рюрикович, русский великий князь Ярослав Мудрый, выдавал дочерей за европейских королей: Анну – за французского Генриха, Елизавету – за норвежского и шведского Гаральда, Настасью – за венгерского Андрея. И те за честь считали русских княжон взять за себя.

Прошло шестьсот лет, великий русский царь Пётр оказался во Франции. И там ему показали Реймский собор, где короновались французские монархи, и святые реликвии, используемые при коронации. Была среди них и старинная священная книга, написанная на неизвестном языке, на которой

исстари присягали французские королевы.

Пётр книгу взял и начал... свободно читать старорусскую «Псалтирь», которую французская королева Анна Ярославна привезла с собой во Францию, где правил её *неграмотный* муж, из русского стольного города Киева...

Ярослав Мудрый, к слову, в те же поры основал в земле эстов русский город Юрьев – нынешний университетский город «суверенной» Эстонии Тарту.

Были, однако, на Руси вожди и глупые, жадные, охочие до междоусобиц и ссор. В 1097 году на съезде в Любече внуки Ярослава Мудрого разделили между собой Киевскую Русь на отдельные вотчины. Как видим, у горбачёвых, ельциных и последующих ельциноидов «идейные» предшественники отыскиваются в весьма далёком прошлом – на 900-летний юбилей древней «Белой Вежи».

А вскоре Русская земля попала на триста лет под татаро-монгольский сапог. История, которую не мешало бы помнить и нам.

Но и в то время, если становился над русскими людьми настоящий вождь, дела шли неплохо. И на льду Чудского озера под русским мечом русского князя Александра Невского шли на дно европейские псы-рыцари.

Пришло время, благословлённый святым Сергием Радонежским, под знаменем Димитрия Донского русский народ на поле Куликовом начал ломать Мамаеву рать и постылое иго.

С Ивана Калиты, с Ивана III, началось не просто расширение Российского государства до его естественных границ, но расширение, сознательно инициируемое на высшем государственном уровне, то есть – инициируемое и поощряемое главой государства.

Самодержцем же, «царём всея Руси», впервые назвался Иван Грозный в 1547 году... Как подлинный русский патриот, он был оболган и при жизни, и за гробом. Но когда в конце жизни по его приказу дьяки составили мартиролог всех, по приказу Ивана же убиенных, чтобы отмолить грехи царя, то в итоговом списке не набралось и пяти тысяч человек. А ведь в пору правления Грозного одна Варфоломеевская ночь 1572 года в одном лишь Париже стоила французам десятков тысяч жизней.

Расширился при Грозном русский удел, собирались русские земли под руку Москвы. Но вновь пошла у нас Смута и боярские раздоры.

И опять зашаталась Русская земля. В 1610 году в Московский Кремль вошёл на постой польский гарнизон: не одни Иваны Сусанины были у нас в предках, были и предатели.

История, которую не мешало бы помнить и нам.

Однако не предателями своими сильны народы, а героями. Козьма Минин поднял Нижний Новгород, а там поднялась вся Россия. И заоке... пардон – польские ставленники вылетели из Кремля вслед за своими хозяевами.

Не прошло ста лет, и в 1709 году петровские орлы вместе

с первым воителем новой России – великим Петром разбили под Полтавой шведского короля Карла XII.

И случилась с Петром ещё одна занятная история: взял он в трофей шпагу Карла, которую подарил шведу король польский Август. А Август получил её тоже в подарок, и тоже – от своего союзника, царя... Петра.

Предатель Август за несколько лет до Полтавы заключил за нашей спиной в Альтранштадте тайный союз с Карлом, а в знак своей «преданности» (или предательства?) отдал Карлу дарёную петровскую шпагу. Вскоре после Полтавы Пётр и Август встретились вновь, и русский царь, простив неверного короля польского, как бы невзначай осведомился: а где, мол, мой подарок? И преподнёс заюлившему было Августу «новую» шпагу, взятую с боя у шведов.

Вот такая бывала у нас, русских, история – *при таких-то вождях!*

Русское железо уральских заводов с сибирским собольком на клейме ценилось по Европе выше шведского.

Русский флотоводец Фёдор Ушаков применял такие тактические построения, что и адмиралу Нельсону не снились.

Русские солдаты били Фридриха Великого и входили в Берлин.

Наш Суворов побеждал того самого Моро, которому завидовал сам Наполеон.

Французские путешественники удивлялись чистоплотности русских крестьян...

Удивлялись, конечно, и другому.

Во время Первой мировой войны представители французской артиллерии, металлургической и химической промышленности говорили: «Мы удивляемся, что вы обращаетесь к нам за содействием. Одни ваши петроградские заводы по своей мощности намного превосходят весь парижский район. Если бы вы приняли хоть какие-нибудь меры по использованию ваших промышленных ресурсов, вы бы нас оставили далеко позади себя».

Об этом написал бывший русский военный агент во Франции, бывший камер-паж последней российской императрицы, граф Игнатьев, генерал-лейтенант Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Писал он и такое:

«Россия издавна дорого платила за свою техническую отсталость, представляя лакомый кусочек для иностранной промышленности: без затраты капиталов, одной продажей патентов на новейшие методы производства и технические чертежи, что и носило громкое название «техническая помощь», можно было снимать любые барыши с русских заводов... «Техническая помощь» являлась одним из самых надежных средств для обращения России в колонию»...

Слова, которые не мешало бы знать и помнить нам и сегодня.

Сталин прекрасно знал русскую историю. И когда он однажды сказал, что царскую Россию то и дело били, то не имел в виду унизить русских. Сталин всего лишь напоминал командирам Красной Армии и всей стране, что старая Россия раз за разом дорого платила за свою техническую отсталость, за неумение мобилизовать свои ресурсы, за неверие власти в силы народа.

Сталин прекрасно знал и народ – он сам вышел из него и уже в молодости начал руководить борьбой масс, а три последних года перед революцией провёл в глухих сибирских «станках», где, при всей немногочисленности жителей, пищи для наблюдений над народным характером в его как привлекаемых, так и отвратительных чертах хватало.

Я ещё скажу об этих годах и о молодом Сталине, но чтобы закончить с темой старой, доленинской и досталинской России, забежим далеко вперёд.

9 мая 1945 года закончилась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. И можно было сравнить ход и итоги двух мировых войн, которые выпали на долю России.

Первая мировая война... Во главе России – один из претендентов на первое место в рейтинге телеканала «Россия» император Николай Второй.

Я уже не говорю о том, что этот «россиянин» поддался на все провокации антирусских сил и позволил сравнить Рос-

сию с Германией – естественным партнером России на арене мировой политики и экономики. Так или иначе, война началась. И началась для России вроде бы успешно – армия Самсонова сильно потрепала «немца» в Восточной Пруссии.

Высшее руководство страны, включая императора, психологического шока от начала войны не испытало, потому что ничего неожиданного в происходящем не было – Россия даже первой объявила мобилизацию!

Промышленность начавшей войну России имела все возможности работать без перебоев в полную силу – за всю войну ни одна германская или австро-венгерская бомба или снаряд не упали ни на один из стратегически важных промышленных или военных объектов России. И все они всю войну сохранялись в неприкосновенности. Полностью – всю войну – сохраняется (за малыми потерями в Польше) вообще весь экономический потенциал России.

Причём с самого начала войны немцы вынуждены воевать на два фронта, ибо с самого начала войны у *той* России были могучие союзники.

А потом...

А потом, когда война получила дальнейшее развитие, Россия так и топталась на своих рубежах, постепенно сдавая свою пусть и окраинную, но всё же свою территорию: Варшаву, Ригу...

При этом Россия всё более разваливалась, всё более влезала во внешние долги. И ей всё более не хватало ресурсов.

А главное, не хватало того морального духа, который, по точной оценке Наполеона, соотносится с материальным фактором как три к одному. Показательно то, что за годы той войны не было создано ни одного значительного произведения искусства – одни «Ананасы в шампанском, ананасы в шампанском...»

И в итоге войны царская Россия Николая Второго рухнула – позорно и бесславно!

Посмотрим теперь на Россию Советскую, на СССР Сталина... По уверениям вечно чем-то недовольных «россиянских» «интеллигентов», это была не страна, а мрачный концентрационный лагерь, «комендантом» которого был «палач» Сталин.

И вот коварный и сильный враг наносит по этому «колосу на глиняных ногах» мощный, по территориальному и материальному размаху ранее в истории небывалый военный удар.

Фронт разваливается, в плен сдаются целые соединения. Враг быстро занимает миллионы квадратных километров территории страны. Многие представители власти позорно бегут на восток, бросив всё на произвол судьбы. В некоторых местах немцев встречают хлебом-солью...

«Тиран» Сталин и его «сатрапы» – на грани краха. Управление потеряно. Помощь извне мала, деятельных союзников нет, Второго фронта нет. Значительная часть страны оккупирована, часть – под бомбежками...

Бомбят даже столицу, а вторая столица попадает в блокаду.

Тысячи важнейших промышленных предприятий или потеряны из-за оккупации, или разрушены, или эвакуируются на восток. Добыча угля упала со 165,9 миллиона тонн в 1941 году до 75,5 миллиона тонн в 1942 году. Выплавка стали упала с почти 15 миллионов тонн в 1940 году до 4,8 миллиона тонн в том же 1942-м, чугуна – с 18 миллионов тонн до 8...

А потом...

А уж потом – когда война получила дальнейшее развитие, Россия мощно пошла вперёд, отбирая назад вначале пяди, крохи, а потом...

А потом уже и до «европ» дойдя!

Эта, новая, Советская Россия смогла в ходе войны воссоздать такую мощную экономику, которая дала армии десятки тысяч танков, самоходных артиллерийских установок, сотни тысяч самолетов, артиллерийских орудий!

И каких танков!

Каких орудий!

Эта Россия стала единым военным лагерем. Не на словах, а на деле она жила призывом «Всё для фронта, всё для Победы!». Эта Россия создала в ходе войны выдающиеся произведения искусства: симфонии и подлинно народные песни, романы и повести, поэмы и пьесы...

Эта Россия даже новые линии и станции метро строила!

И какие станции!

Она во время войны даже екатерининскую букву «Ё» восстановила.

Она разгромила врага и пришла в Берлин, отлив из ратной бронзы медаль и за его взятие, и за взятие Будапешта и Вены, и за освобождение Варшавы, Праги, Белграда.

В результате Второй мировой войны, ставшей для России второй Отечественной, Россия окончательно оформилась как великая сверхдержава.

Какая слава!

Какой итог!

И какой контраст по сравнению с итогами той, первой, «царской» войны...

Зная всё это, проголосовал ли бы за Николая Второго Пётр Первый? Или даже Екатерина Вторая? Она ведь тоже была патриотом России, она называла её «Вселенной».

Кому отдали бы свои голоса Александр Невский, Александр Суворов и Александр Пушкин, Димитрий Донской и Дмитрий Менделеев, Иван Суриков и Иван Грозный, Пётр Багратион и Пётр Чайковский, Михаил Ломоносов, Михаил Кутузов, Михаил Лермонтов, Николай Гоголь и Николай Лобачевский?

Монарху Романову или большевику Сталину?

Барду Высоцкому или Генералиссимусу Советского Союза?

Хрущёву, который в приступе откровенности как-то признался участникам пленума ЦК, что все они вместе с ним

Сталинского г... не стоят, или тому, кого Хрущёв предал и оклеветал, приписав ему руководство войной по глобусу?

И за кого, интересно, проголосовал бы сам последний венценосный Романов? Он был слабовольным человеком, но и последней сволочью его назвать всё же нельзя. Как-то по-своему, уродливо, но он ведь тоже Россию любил...

В 1944 году на Урале, в сталинском «Танкограде», 74-летний академик Патон написал заявление о приёме в ВКП(б).

Вот что он писал:

«Когда Советская власть взяла в свои руки управление нашей страной, мне было уже 47 лет. Проработав много лет в условиях капиталистического строя, я усвоил его мировоззрение... Начинания новой власти я считал нежизненными... Когда я познакомился с планом первой пятилетки, я не увидел возможностей для его выполнения. Время шло, развернулась работа по Днепрострою, которая никак не давалась прежней власти. Я начал понимать свою ошибку по мере того, как осуществлялись новые стройки... Всё больше менялось мое мировоззрение. Я стал понимать, что к Советской власти меня приближает то, что труд, который является основой моей жизни, Советская власть ставит выше всего. В этом я убедился на деле... Начавшаяся Великая Отечественная война явилась блестящим подтверждением мощности и стойкости советского строя. Перед моими глазами прошли две последние войны – японская и империалистическая. Я имел возможность сравнить положение тогда с

тем, что происходит сейчас, во время Отечественной войны. Меня поражают выдержка и героизм, с какими советский народ борется на фронтах и в тылу под твёрдым руководством партии и Советского правительства»...

А вот оценка России Сталина и самого Сталина со стороны...

Генерал-майор Фридрих Вильгельм фон Меллентин был врагом, но врагом умным и опытным: воевал в Польше, во Франции, на Балканах, в Африке, на Восточном фронте, а затем опять во Франции, в Арденнах и в самой Германии... Закончил войну начальником штаба 5-й танковой армии в Рурском «котле». В 1956 году в Лондоне вышла его книга «Panzer battles 1939–1945», изданная у нас в 1957 году («Танковые сражения 1939–1945 гг.»), где он писал:

«Русский солдат любит свою «матушку Россию», и поэтому он дерётся за коммунистический режим, хотя, вообще говоря, он не является политическим фанатиком. Однако следует учитывать, что партия и её органы обладают в Красной Армии огромным влиянием. Почти все комиссары являются жителями городов и выходцами из рабочего класса. Их отвага граничит с безрассудством; это люди очень умные и решительные. Им удалось создать в русской армии то, чего ей не доставало в Первую мировую войну – железную дисциплину... Дисциплина – главный козырь коммунизма, движущая сила армии. Она также явилась

решающим фактором и в достижении огромных политических и военных успехов Сталина...

...Умелая и настойчивая работа коммунистов привела к тому, что с 1917 года Россия изменилась самым удивительным образом. Не может быть сомнений, что у русского всё больше развивается навык самостоятельных действий, а уровень его образования постоянно растёт...»

Генерал Меллентин писал, что русская пехота «полностью сохранила великие традиции Суворова и Скобелева», что русская артиллерия «является очень грозным родом войск и целиком заслуживает той высокой оценки, какую ей дал Сталин»...

Что танкисты Красной Армии «закалились в горниле войны», что «их мастерство неизмеримо возросло» и что «такое превращение должно было потребовать исключительно высокой организации и необычайно искусного планирования и руководства»...

При этом Меллентин констатировал: «Русское высшее командование знает своё дело лучше, чем командование любой другой армии».

Это ведь сказано прежде всего о Сталине! Стоит ли удивляться тому глубокому уважению к полководческому таланту Сталина, которое всегда выказывал рыцарственный Константин Константинович Рокоссовский – кристально честный и лучший советский полководец времён Великой Отечественной войны?

Причём Сталин руководил войной не только на фронте, но и в тылу. А каким был этот тыл новой России, можно судить, например, по признаниям знаменитого немецкого авиапредпринимателя и конструктора Хейнкеля. Советский авиаконструктор А.С. Яковлев писал, что выполнение советских заказов в начале 30-х годов заставило Хейнкеля резко улучшить технологическую дисциплину и методы заводского контроля. «Я думал, – удивлялся Хейнкель, – что у меня отличный завод, но большевики работают лучше».

«Россиянские» «демократы» ставят свечи перед образом «невинно убиенного злодеями-большевиками» «святого» Николая Второго...

Но величие Русской Державе обеспечила эпоха Сталина. И обеспечила не за счет ГУЛАГа, заградительных отрядов и страха, а за счет созидательных, творческих сил народа, во главе которого тридцать лет стоял Сталин.

Русская история знала великих вождей, но лишь Сталин, как до него Ленин, стал для народов России Вождём с не отменяемой большой буквы.

Глава пятая

Личность, в культе личности не нуждающаяся...

Передо мной – фотокопия письма Сталина дочери. По-черк, при яркой индивидуальности, настолько разборчив, что без всякой натуги читаешь:

«Моей хозяйюшке-Сетанке – привет!

Все твои письма получил. Спасибо за письма! Не отвечал на письма потому, что был очень занят. Как проводишь время, как твой английский, хорошо ли себя чувствуешь? Я здоров и весел, как всегда. Скучновато без тебя, но что поделаешь, – терплю. Целую крепко-накрепко.

Твой секретаришка

Папка-Сталин.

Целую мою хозяйюшку.

22/VII 39».

Так может писать не просто любящий отец, но и предельно несебялюбивый человек. Ведь тот, кто, как мажордом церемониальную трость, несёт перед собой своё «величие», ни за что не напишет ничего подобного! Выпяченное брюхо не позволит!

А ведь это написано уже многолетним главой мировой державы, одним из лидеров мировой политики – что тогда

не все в мире признавали вслух, но не могли не признавать в реальных политических планах и расчётах! Это написано «товарищем Сталиным»!

И это же написано очень добрым, неспесивым человеком. Способным на самоиронию и...

И, кроме прочего, обладающего фактически идеальным душевным и духовным здоровьем. Ко временам «катастрофки» относится гнусная акция, главным действующим лицом которой стала ныне уже покойная внучка академика Бехтерева – тоже академик Наталья Бехтерева. Тогда широко тиражировалось её заявление о том, что Сталин-де, по словам её деда, был параноиком. А уже в «россиянские» времена Бехтерева простодушно призналась, что ничего такого дед не говорил, а её просто «попросили» так сказать...

Случай для клеветы на Сталина не рядовой. Но – типичный. И тут невольно вспоминаются горькие слова Пьера Огюста Карона де Бомарше, который очень хорошо знал, что такое наветы клеветников: «Прежде оклеведем его, а уж затем вменим ему в вину дурную славу, которую сами и создали...»

Типичными примерами социального (в данном случае точнее будет сказать – антисоциального) заказа в чистом (или – в грязном?) виде являются и «биографии» Сталина, написанные авторами типа генерала «от идеологии» Волкогонова, Эдварда Радзинского, братьев Медведевых и им подобных. Возьмём «Взлет и падение Сталина» Федора Вол-

кова – в 70–80-е годы заурядного «советско-агитпроповско-го» историка. Несмотря на антагонизм фамилий, Волков и Волкогонов оказались в одной «стае» – фальсификаторской. Так, ещё в 1989 году доктор исторических наук Волков вместе с другим доктором наук Арутюновым сообщил, что знаком-де с документом, подтверждающим сотрудничество Сталина с царской охранкой, а подлинник, мол, хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции в фонде Департамента полиции Енисейского губернского жандармского управления.

При этом доктора наук цитируют заведомую фальшивку – так называемое «письмо жандармского полковника Ерёмина», запущенное в оборот американцем Левиным и сработанное весьма топорно, начиная от неверной формы углового штампа и его орфографии, продолжая ошибками текста и заканчивая явной подделкой подписи Ерёмина, хорошо известной архивистам по *подлинным* документам Департамента полиции.

Но что показательно! Волкову хочется остаться в рамках исторического исследования, а не пасквиля, и поэтому в его книге хватает не только злобы, но и фактов, цифр из жизни СССР сталинской эпохи. И при вдумчивом чтении результат оказывается противоположным авторскому замыслу. Перед нами предстаёт не злобная, а великая фигура Сталина в его многотрудных борениях за мощь и величие страны.

Пожалуй, было бы полезно и поучительно взять одну из

антисталинских книг – ну, например, классическую по объёму лжи и концептуальной подлости книгу Эдварда Радзинского «Сталин», и проанализировать её, строка за строкой и страница за страницей.

Это было бы, повторяю, очень полезно, потому что после такого детального анализа вряд ли бы кто-то взял опусы, подобные книгам Волкова, Волкогонова и Радзинского, в руки – даже с целью предельно утилитарной и специфической. Но построчный анализ всегда утомителен как для автора, так и для читателя, да к тому же занимает печатного места примерно в три раза больше, чем анализируемый текст – его ведь тоже надо довести до сведения читателя, перед тем как анализировать... Так что вряд ли это было бы интересное чтение.

Поэтому для того, чтобы показать – как порой всесторонне искажается облик Сталина, мне придётся ограничиваться отдельными примерами...

Ну, скажем, в 1995 году в издательстве «Новая книга» вышел сборник «Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи». Составитель и автор комментариев – Михаил Лобанов. В издательском предисловии было сказано, что книга может считаться первым вкладом в серьёзное изучение эпохи, что она далека от восхвалений Сталина, но также далека и от очернительства и т. п.

М. Лобанов действительно потрудился немало, и на фоне тогдашней «волкогоновской» антисталинской волны его

труд был объективно неплох – если бы не... многие комментарии составителя. Да и позиция издательства оказалась странной – читателя сразу же уведомяли, о том, что книга-де «энциклопедическим» образом охватывает «образ поистине демонической (? – С.К.) фигуры, на счету которой сплетено без числа (странная для документального труда оценка. – С.К.) как злодеяний, так и спасительных дел для Российского государства».

Чепуха какая-то, но как часто и бездумно повторяемая чепуха! И дело даже не в пушкинском «гений и злодейство – вещи несовместные»... Сегодня многие мифы о якобы «злодействах» Сталина уже сильно подточены документами, но и в 1995 году можно было понять, что это – не более чем злонамеренные мифы. Увы, составитель очень интересного – в своей документальной и мемуарной основе – сборника так этого и не понял. А нередко подбавил кое-чего, ни в какие ворота не лезущего, ещё и от себя.

Например, М. Лобанов приводит отрывок из статьи Троцкого «Термидор и антисемитизм» и заявляет, что подобные обвинения Сталина – миф. Однако тут же сам в духе худшего антисталинского мифотворчества утверждает, что «в тех же тридцатых годах в литературе главный удар репрессий пришёлся не по космополитическим интернациональным литераторам, а по русским писателям, связанным органически с традициями русской культуры...».

Тогда, мол, «были уничтожены поэты «есенинского кру-

га» (Клюев, Клычков, П. Васильев, Орешин и др.)».

Твардовский, Исаковский, Прокофьев, Тихонов, Толстой, Федин, Леонов, Соболев, Шолохов в миф Лобанова не вписываются. И о них он не говорит ни слова. Но разве сравним масштаб небесталанного, но духовно неряшливого, разболтанного в поведении Васильева с талантом того же Твардовского?

Или вот в той же книге М. Лобанова приведены «воспоминания» В. Бережкова – бывшего переводчика Сталина. Фигура это малодостойная уже потому, что Бережков под старость предпочёл сытные Штаты России, которую уже всю грабили духовные его собратья. Среди прочего, Бережков на странице 477 «вспоминает», что когда он впервые увидел Сталина вблизи, то был якобы близок к шоку, в том числе и от вида лица Сталина, «изрытого оспой».

«Изрыть» – глагол сильный. Словарь Ожегова сообщает, что он означает «всюду наделать ям, рытвин». Всюду!

А теперь открываем страницу 558, где помещены воспоминания Андрея Громько, причём о тех же временах, о которых «вспоминает» Бережков, и читаем: «Мне случилось, и не раз, уже после смерти Сталина, слышать и читать, что, дескать, у него виднелись следы оспы. Этого я не помню, хотя много раз с близкого расстояния смотрел на него. Что же, коль эти следы имелись, то, вероятно, настолько незначительные, что я, глядевший на это лицо, ничего подобного не замечал».

Можно ли после этого верить таким вот «свидетельствам» Бережкова о Сталине: «Наигранной бодростью он прикрывал своё неверие в народ, презрительно обзывая аплодировавшую ему толпу (? – С.К.) «дураками» и «болванами». Но именно этот нелюбимый и пугавший его народ...», и т. д.?

Бережков не замечает, что это он относится к народу презрительно, именуя его толпой. Но как часто тот же Бережков некритически воспринимается даже «историками» как серьёзный источник... ещё бы: личный переводчик Сталина!

И ведь действительно – переводчик!

Конечно, о Сталине теми, кто был к нему в той или иной мере близок, написано и много хорошего. Собственно, случай Бережкова здесь фактически единичен, что характеризует не только Сталина, но и самого Бережкова. Но особенно впечатляют, как на мой вкус, свидетельства о Сталине бывшего командующего авиацией дальнего действия Главного маршала авиации Александра Евгеньевича Голованова. Сам высококлассный летчик, он всегда был человеком чести, не юлил, не лебезил. Достоверность его мемуаров если и не абсолютна (этим качеством, увы, не всегда обладают даже документы), то очень высока.

До личного знакомства со Сталиным Голованов – тогда шеф-пилот Аэрофлота – воспринимал его великим человеком без души и сердца. К тому же у Голованова были ещё свежи в памяти не самые приятные для него и ряда его ближайших родственников воспоминания о 1937 году. Однако,

начав сотрудничать со Сталиным с зимы 1941 года, он в конце концов проникся к нему чем-то вроде любви сына к строгому и мудрому отцу – иными словами я не могу определить тот тон, которым Голованов всегда рассказывает о Сталине. Он не раз подчеркивает сдержанность и воспитанность Сталина, его высокую внутреннюю культуру и как особо характерную черту выделяет поразительную требовательность Сталина не только к другим, но и прежде всего к себе.

Однажды во время войны, когда оба были измотаны какой-то особо сложной и срочной проблемой, Голованов сгоряча сказал Сталину: мол, чего вы от меня хотите, я простой летчик... И Сталин тут же отпарировал: «А я – простой бакинский пропагандист». А потом прибавил: «Это вы так только со мной можете говорить. С другими вы так не поговорите»...

Лишь с годами Голованов понял, как Сталин был прав.

А как часто приходится читать ложь о поощрении Сталиным собственного восхваления. Возможны и иные варианты «воспоминаний»: мол, для проформы возмутился, а на деле без фимиама жить-де не мог.

Но уже после смерти Сталина Анастас Микоян на июльском 1953 года Пленуме ЦК – том, где политически казнили Берию, говорил (цитирую по неправленной стенограмме):

«... о культе личности. Мы понимали, что были перегибы в этом вопросе и при жизни товарища Сталина. Товарищ Сталин круто критиковал нас. То,

что создают культ вокруг меня, говорил товарищ Сталин, это создают эсеры. Мы не могли тогда поправить это дело, и оно так шло...»

Для верного представления об отношении Сталина к прославлению в его лучшие, боевые годы полезно познакомиться с историей о несостоявшемся посвящении Сталину некоей книги...

Старый партиец Б.Е. Бибинейшвили написал книгу «Камо» о знаменитом кавказском большевике-боевике Тер-Петросяне (Камо). 20 апреля 1933 года председатель правления и заведующий издательством Всесоюзного общества старых большевиков Илья Ионович Ионов-Бернштейн (1887–1942) обратился к секретарю Сталина Поскребышеву с просьбой. Бибинейшвили и сестра Камо просили показать Сталину посвящение с тем, чтобы получить его согласие на помещение в книге.

Текст посвящения был следующим:

«Тому

Кто первый вдохновил Камо на беззаветную героическую революционную борьбу,

Кто первый назвал его именем «Камо».

Кто стальной рукой выковал большевистские организации Грузии и Закавказья,

Кто вместе с гениальным вождем международного пролетариата Лениным руководил освободительной борьбой пролетариата и победой Великого Октября,

Кто после смерти Великого Ленина продолжает

и развивает дальше учение Маркса-Ленина, теорию и практику основоположников марксизма-ленинизма, стратегию и тактику революционной пролетарской борьбы,

Тому, под непосредственным руководством которого партия осуществляет великую задачу построения бесклассового социалистического общества на одной шестой части мира.

Великому вождю Ленинской Коммунистической партии и Коминтерна, Гениальному организатору и стратегу международной пролетарской революции

Тов. СТАЛИНУ

посвящает автор эту книгу.

Б. Бибинейшвили»

На следующий день Сталин направил Ионову записку:

«Тов Ионов!

Я против «посвящения». Я вообще против «посвящений» с воспеванием. Я тем более против предложенного текста «посвящения», так как он насилует факты и полон ложноклассического пафоса воспевания. Не нужно доказывать, что никакой я не «теоретик» и тем более – «гениальный организатор» или «стратег международной революции». Прошу успокоить не на шутку разволновавшегося автора и сообщить ему, что я решительно против «посвящения».

Привет!

И. Сталин».

Тон этой записки, не лишённый иронии, абсолютно есте-

ственен и Сталину свойствен с самых его молодых лет как в частных и деловых письмах, так и статьях. Но я погрешил бы против собственного впечатления, если не сказал бы, что ближе к концу 30-х годов, и особенно позднее, эмоциональный настрой сталинских текстов претерпевает изменения. Уходят молодая задиристость и весёлая ирония. И их сменяет спокойная уверенность в значительности того, что пишет и говорит Сталин.

Но это не значит, что Сталин начинал почивать на лаврах. Просто конец 30-х годов – это время, когда авторитет Сталина окончательно окреп и стал ведущей силой в партийно-государственном руководстве. И дело не в подавлении «инакомыслия» в стране, а в том, что к концу 30-х годов все яснее и убедительнее стала выявляться правота Сталина и тех, кто шел за ним. Его правоту доказывали изменения во всех сферах общественной жизни. И это всё лучше видели объективно настроенные люди не только в России, но и вне её. В 1933 году, сидя в английской тюрьме, выстроенной на индийской территории, будущий глава свободной Индии 44-летний Джавахарлал Неру написал очерки мировой истории для своей дочери Индиры Ганди. Писал он там и о России, о Сталине:

«В прошлом случалось, что страны концентрировали все свои силы на решении какой-то важной задачи, но это бывало только в военное время. Советская Россия впервые в истории сконцентрировала

всю энергию народа на мирном созидании, а не на разрушении. Но лишения были велики, и часто казалось, что весь грандиозный план рухнет. Многие видные большевики полагали, что напряжение и лишения должны быть смягчены. Не так думал Сталин. Непреклонно и молчаливо продолжал он проводить намеченную линию. Он казался железным воплощением неотвратимого рока, движущегося вперёд к предначертанной цели».

Да, тогда появилось выражение «железный сталинский нарком». И если уж толковые наркомы у Сталина имели железную волю, то у самого Сталина она была без преувеличений стальной.

Впрочем, в частной жизни Сталин оставался прежним, способным на шутку, на улыбку. До самого начала войны он забавлялся игрой в шуточные приказы, которые ему должна была писать дочь Светлана, которую отец называл в письмах «Сетанка-хозяйка» и «воробушка», подписываясь: «Секретаришка Сетанки-хозяйки бедняк И. Сталин»...

Но Сталин был так же естественно шутивен и с Кировым. Пожалуй, уникальными можно считать свидетельства Артёма Фёдоровича Сергеева, сына знаменитого «Артёма» (Сергеева), члена ВЦИК, погибшего 24 июля 1921 года во время испытания аэровагона на Московско-Курской железной дороге. После гибели мужа мать малыша, родившегося 5 марта 1921 года, серьёзно заболела, и его взял в семью Сталин.

Между прочим, когда старший Сергеев погиб и Будённый

сетовал – мол, какая нелепая случайность, Сталин ответил: «Если случайность имеет политические последствия, то к такой случайности нужно присмотреться». Принцип, применимый и к «неожиданной» смерти самого Сталина.

38-летний «Артём» был яркой личностью: в партии с 1901 года, прямой соратник Ленина, в 1910 году бежал из ссылки вначале в Корею, затем переехал в Шанхай, а оттуда в Австралию, где вёл активную революционную работу. В 1917 году он вернулся в Россию, и нет никаких сомнений в том, что если бы не погиб, то вошел бы в сталинскую когорту очень сильным её членом.

Сын «Артёма», Артём Сергеев, прожил достойную жизнь, и его воспоминания можно считать фотографичными. В изданной издательством «Крымский мост-9Д» в 2006 году небольшой книге «Беседы о Сталине» он говорит:

«С самого начала, как я себя помню осознанно, я помню и его, и к нему самое высокое уважение. Казалось, что это самый умный, самый справедливый, самый интересный и даже самый добрый, хотя в каких-то вопросах строгий, но добрый и ласковый человек...»

Так или иначе, не упомянуть эти воспоминания в книге о Сталине сегодня просто невозможно – если ты хочешь написать о Сталине не только правдиво, но и объёмно. Но сейчас я вспомнил о Сергееве в связи с темой о чувстве юмора у Сталина и его якобы склонности к возвеличиванию. На вопрос, любил ли Сталин юмор, его приёмный сын ответил так:

«Всегда, что бы ни было, в любой ситуации, он всегда говорил образно, много цитировал Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Лескова, Зоценко, ещё какие-то забавные вещи. И он, и Киров хорошо знали писателей-сатириков, классиков этого жанра. Зоценко Сталин с Кировым часто цитировали, поскольку это был злободневный автор... высмеивавший пороки тогдашнего общества. Но никогда не цитировалась забавная история ради самой истории. Всегда это было к слову...

Между собой всегда у них с Кировым был юмор. Киров называл его «великий вождь всех народов, всех времён». Говорил: «Слушай! Ты не подскажешь, ты образованней меня, чей ты ещё великий вождь? Кроме времён и народов что ещё на свете бывает?»

А Сталин его называл «любимый вождь ленинградского пролетариата». И тоже подтрунивал: «Ага, кажется, не только ленинградского, а ещё и бакинского пролетариата, наверное всего северокавказского. Подожди, напомни, чей ты ещё любимый вождь? Ты что, думаешь, у меня семь пядей во лбу? У меня голова – не дом Совнаркома, чтобы знать всё, чьим ты был любимым вождем»...»

Так могут шутить абсолютно нечванные и абсолютно духовно здоровые люди. Какими, собственно, Сталин с Кировым и были.

Да и в самом-то деле! Мог ли ханжа и любящий – по нынешней модной присказке – «себя любимого» человек так

ответить 26 октября 1936 года на запрос Чарльза Наттера, заведующего бюро Ассошиэйтед Пресс, по поводу сообщений западной печати о тяжёлом заболевании и даже смерти Сталина:

«Милостивый государь!

Насколько мне известно из сообщений иностранной прессы, я давно уже оставил сей грешный мир и переселился на тот свет. Так как к сообщениям иностранной прессы нельзя не относиться с доверием, если Вы не хотите быть вычеркнутым из списка цивилизованных людей, то прошу верить этим сообщениям и не нарушать моего покоя в тишине потустороннего мира.

С уважением

И. Сталин».

Классический юмор этой записки превосходит по своей силе, пожалуй, лишь классический же ответ Марка Твена: «Слухи о моей смерти чрезвычайно преувеличены». Причём это был не первый подобный случай. ещё 3 апреля 1932 года «Правда» опубликовала такой ответ Сталина на письмо представителя Ассошиэйтед Пресс Ричардсона:

«Ложные слухи о моей болезни распространяются в буржуазной печати не впервые. Есть, очевидно, люди, заинтересованные в том, чтобы я заболел всерьёз и надолго, если не хуже. Может быть, это и не совсем деликатно, но у меня нет, к сожалению, данных, могущих порадовать этих господ. Как это ни печально,

а против фактов ничего не поделаешь: я вполне здоров...»

Нет, Сталин был не только выдающейся личностью, он был ещё и просто по-человечески привлекательной личностью, умеющей без натуги драпировать свое естественное величие в естественный же для неё юмор.

Сопоставляя судьбы приемного сына Сталина Артёма Сергеева и родной сталинской дочери Светланы, можно уверенно сказать, что Светлана оказалась не лучшей дочерью, но не Сталин был в том виноват. Он Светлану любил, а она его – не очень-то, личностно походя скорее на мать, чем на отца, и зачастую его огорчая, особенно – уже во взрослой своей жизни.

К слову, её воспоминания нередко недостоверны не только психологически (в негативных оценках Берии, например), но и фактически. Так, она утверждает, что отец летом 1946 года уехал на юг впервые после 1937 года, но это была вторая такая дальняя поездка Сталина – первая пришлась на апрель 1944 года, о чем свидетельствует и генерал-майор Михаил Докучаев, бывший заместитель начальника 9-го Управления КГБ, ответственного за охрану правительства.

Во время обеих поездок Сталин очень нервничал, видя разруху, людей, живущих в землянках. А во вторую поездку на дороге от Симферополя до Ялты произошел описанный тем же М. Докучаевым случай, тоже характеризующий внут-

ренный мир Сталина и его натуру очень ярко. Докучаев пишет об этом так:

«Как раз на перевале в его (Сталина. – С.К.) машину с полного хода врезалась старая полуторка. Естественно, бронированный «паккард» выдержал столкновение, а полуторка вся развалилась. Каково же было удивление, когда из неё вылезла женщина-водитель лет сорока пяти. Вышел тогда из машины и Сталин. Женщина, не разобравшись в ситуации, с наивной прямоотой сказала: «Как же вы дальше поедете?» Сталин, увидев её жалкий вид и разбитую машину, поняв, что инцидент произошёл из-за дождливой погоды, ответил ей: «Мы-то поедем. А вот как вы поедете?»

Сталин сказал тогда министру госбезопасности Абакумову, следовавшему в кортеже, чтобы эту женщину не привлекали к ответственности...»

Ну, и где же здесь «кровожадность», «подозрительность» Сталина? И это при том, что Сталин всегда знал, что враги у новой России имелись. Но и эту проблему он видел объёмно. Вот психологический аспект вопроса, о котором Сталин хорошо говорил 9 сентября 1940 года на совещании в ЦК ВКП(б), разбиравшем кинофильм «Закон жизни», снятый по сценарию молодого, но быстро зазнавшегося писателя А. Авдеенко.

Знакомство с многостраничной стенограммой этого совещания, в котором вместе с членами Политбюро приня-

ли участие Фадеев, Федин, Соболев, Асеев, Катаев, Лебедев-Кумач, Столпер, сам Авдеенко, способно развеять не один гнусный миф о Сталине и его эпохе. Но я ограничусь лишь фрагментом выступления Сталина:

«...Я бы предпочел, чтобы нам давали врагов не как извергов, а как людей, враждебных нашему обществу, но не лишённых некоторых человеческих черт. У самого последнего подлеца есть человеческие черты, он кого-то любит, кого-то уважает, ради кого-то хочет жертвовать... Я бы предложил, чтобы в таком виде врагов давать, врагов сильных. Какой же будет плюс, когда мы шумели, – была классная борьба капитализма с социализмом, и вдруг замухрышку разбили... Разве не было сильных людей? Почему Бухарина не изобразить, каким бы он ни был чудовищем, – а у него есть какие-то человеческие черты. Троцкий – враг, но он был способный человек, – бесспорно, – изобразить его как врага, имеющего отрицательные черты, но и имеющего хорошие качества, потому что они у него были, бесспорно...»

Здесь Сталин говорил о врагах политических... А ведь за двадцать лет после 1917 года – к 1937 году в новой России не ушли в прошлое и её враги нравственные, которые были врагами не в силу некоей своей организованной борьбы против Советской власти, а в силу того, что были её духовными антиподами. Вот что писал 18 января 1938 года в пространном письме в Комиссию партконтроля при ЦК ВКП(б) консуль-

тант Главного управления кинематографии некто Г.В. Зельдович:

«Партия в 1937 году провела огромную очистительную работу в стране. Слабее всего расчищена среда работников искусства... Морально-бытовые устои здесь наименее слабы... Огромно безделье... Глубокие, тонкие и сложные корни имеют подхалимство, семейственность и пр. <...> Политический маразм – среди работников искусства, в большом ходу сексуальные и порнографические вещи... «Забавляются» всем этим весьма и весьма.

Любовь к «Западу» огромна. Мечтают о заграничных поездках. <...> Среди киноработников много политических сплетен об орденонаграждениях и др.».

Надо сказать, что Зельдович в своём письме, откровенном и толковом, выкладывал правду не по внутреннему убеждению, а с перепугу. Вот его официальная характеристика тех дней: *«Зельдович Г.В., консультант – редактор по Мосфильму. Рождения 1906 года. Беспартийный, родился в гор. Тульчине. Образование среднее. Отец – сын богатых родителей. Один брат отца – в Польше, другой в Риге (тогда, как и сейчас, это была «заграница». – С.К.), а родственники матери в Америке. Подхалим. Пользовался особым доверием Шумяцкого (бывшего председателя Кинокомитета, о котором Зельдович написал в своём письме немало отрицательного и явно имевшего место быть. – С.К.). Проявлял внеш-*

нюю активность, по политическим вопросам не выявляет своего лица».

Зельдовича, несмотря на его отнюдь не дутые, но запоздавшие разоблачения, с Мосфильма уволили. Не знаю – возможно, он позднее тоже попал в «жертвы репрессий». Но был ли он виноватым без вины?

Ведь репрессии были обусловлены объективно. Скажем, если бы во главе РККА в 1941 году командовал тот «цвет» армии, олицетворением которого были Тухачевский и Якир и который «уничтожил» «тиран» Сталин, то всё в 1941 году и закончилось бы. Но закончилось бы не знаменем Победы над Берлином, а парадом вермахта на Красной площади, который принимал бы с трибуны Мавзолея Гитлер. Причём я имею в виду даже не несомненно предательскую роль «тухачевских», а полководческую и военную бездарность их и «выпестованных» ими «кадров».

Нет, в своей основе то, что было предпринято Сталиным в 1937–1938 годах, было даже не репрессиями в точном смысле этого слова, а *чистками* – тоже в точном смысле этого слова. И не имело никакого отношения к абсолютизации личности Сталина, к которой он якобы стремился.

Я уже предупредил, что не буду заниматься здесь развёрнутым анализом проблемы 37-го года. Поэтому, не вдаваясь в оценку достоверности хрущёвско-горбачёвских цифровых данных о масштабах репрессий, скажу лишь, что они, судя по всему, завышены в несколько раз. Приведу на сей

счёт два свидетельства, прозвучавших в разное (но одинаково послесталинское) время с разных «этажей» социальной лестницы...

В сборнике документов «Георгий Жуков», изданном под научной редакцией В. Наумова Международным фондом «Демократия» в 2001 году, приведены воспоминания маршала Жукова, датированные 1963–1964 годами, и на стр. 622 читаем:

«Партия ценила заслуги СТАЛИНА и верила ему. Тогда ещё не знали о размерах того зла, которое причинил СТАЛИН в 1937–1938 годах советскому народу».

А вот признание известного разработчика ядерных вооружений, профессора Н.З. Трemasова, автора мемуаров «Назначение отменяется, позвоните по телефону... (записки Главного конструктора радиоэлектронных систем ядерного оружия)», изданных в Нижнем Новгороде в 2000 году. На странице 72 он мимоходом сообщает:

«Видимо, репрессии носили избирательный, не массовый характер (я, во всяком случае, о них до смерти Сталина и не слышал)»...

Жукову в 1937 году был сорок один год, и он уже занимал должность командира 3-го кавалерийского корпуса. Трemasов родился в центре России, в селе Репное Балашовского района Саратовской области, в 1926 году, и о временах 37–38-го годов уже мог иметь вполне сознательное представле-

ние. Но вот же – ни в его детском восприятии, ни в восприятии вполне взрослого Жукова «репрессии» *тогда* не отпечатались. Не такими уж, выходит, «массовыми» они были на деле.

И лишь после смерти Сталина Жуков, Тремасов и многие другие «вспомнили» о репрессиях, судя о них при этом вкривь и вкось.

Президент США Рузвельт собирал марки, маршал Тухачевский делал скрипки, а у Сталина с его молодых лет и до октября 1917 года было одно «хобби» – борьба за установление в России власти, озабоченной построением лучшей жизни для трудящихся. С осени 1917 года он сменяет его уже на другое «увлечение» – отстаивание этой, уже установленной, власти от посягательств внешних и внутренних врагов... К середине 20-х годов к этому новому «хобби» прибавилось ещё одно: построение в России развитого социализма.

И занимался всем этим Сталин без угрюмости, а даже как-то весело. 4 августа 1918 года он пишет Ленину из Царицына о критическом положении на Юге, но пишет без надрыва и истерики. Он как бы говорит: дела невесёлые, но если унывать, они не улучшатся... Да, положение на Юге не из лёгких, товарищ Ленин, но я же здесь, и со мной хорошие товарищи. И дело наше правое. А раз так – мы не печалимся, а работаем...

Формально подобных слов в письме Сталина нет – оно конкретно, предметно, информативно, и эмоции в нём не

проявляются. Но подтекст этого и других писем Ленину с фронтов гражданской войны именно таков.

Лишь иногда юмор Сталина и его неумение унывать прорываются в признаниях типа следующего:

«В Астрахани скота не меньше, чем в Котельникове (где скопилось 40 тысяч голов крупного рогатого скота. – С.К.), но местный продкомиссариат ничего не делает. Представители Заготселя спят непробудным сном, и можно с уверенностью сказать, что мяса они не заготовят».

Однако это – не позиция крыловского Повара по отношению к коту Ваське. Просто к слову пришлось: вот, мол, Владимир Ильич, как живём, бестолочи и саботажа хватает, но мы и с этим справимся, мы ведь – большевики.

17 декабря 1936 года уже признанный лидер страны Сталин пишет письмо главным редакторам «Правды» Мехлису и «Известий» Талю, устроившим газетную перепалку Шумяцкого и Керженцева вокруг вопроса об использовании джаза в советском искусстве:

«Т-щу Мехлису, т-щу Талю.

Читал в «Правде» в номере от 17 декабря 1936 года статью «Обывательский зуд». Считаю, что тон критики, взятый «Правдой» в этой статье, неправилен и в корне противоречит товарищеским отношениям между двумя коммунистическими газетами.

Более того, мне кажется, что тон критики в указанной статье является выражением литературного

хулиганства...

Предлагаю редакции «Правды» прекратить возню с вопросом о «джазе» и больше не повторять ошибок в деле товарищеской критики родственной коммунистической газеты.

И. Сталин».

Приходится ли удивляться, что за Сталиным, жившим всегда соображениями дела, а не амбициями, легко и уверенно шли люди дела же?!

И он этого, конечно, заслуживал. Теми, кто в разное время был рядом со Сталиным, написано о нём много такого, что само по себе опровергает антисталинскую клевету. Однако из множества таких свидетельств я в заключение этой главы опять выберу свидетельство Артёма Сергеева:

«Он умел вовлечь в разговор и в этом разговоре не допускал, чтобы ребенок чувствовал себя несмышлёнышем. Он задавал взрослые вопросы... он очень просто, доступно, ненавязчиво, не по-менторски вёл разговор и давал понять суть.

Один разговор, относящийся к 1929 году, я помню. Сталин меня спросил: «Что ты думаешь о кризисе в Америке?» Что-то мы (Сергеев имел в виду своего названного брата Василия Сталина. – С.К.) слышали: буржуи, мол, выбрасывают кофе с пароходов в море. «А почему это делается?» – спрашивает Сталин. Ну, а я в том смысле говорю, что они нехорошие, лучше бы нам, нашим рабочим и крестьянам, отдали, если им не

нужно, если у них так много.

«Нет, – говорит он, – на то и буржуи, что они нам не дадут. Почему они выбрасывают? Потому что заботятся о себе, как бы побольше заработать. Они выбрасывают потому, что остаются излишки, их люди не могут купить... Чтобы держать высокую цену, он выбрасывает. Капиталист всегда так будет делать, потому что его главная забота – чтобы было больше денег.

Наша главная забота – чтобы людям было хорошо, чтобы им лучше жилось, потому ты и говоришь: лучше бы нам дали, потому что ты думаешь, что у них забота, как и у нас, – как сделать лучше людям»...»

Восьмилетний мальчишка не спрашивал у Сталина – зачем Сталин живёт? Подобный вопрос из уст маленького Артёма был, конечно, ещё невозможен – он был выше детского чувствования. А когда Артём Сергеев повзрослел, этот вопрос по отношению к Сталину тоже был невозможен – приёмный отец сантиментов не любил и приёмного сына к ним не приучил. Да и природная закваска у Артёма Сергеева была не та, чтобы терзаться чувствительными «умными» вопросами, – это и по его фото разных лет видно.

Однако Сталин сам – в разговоре с ребёнком, но в разговоре о взрослых, серьёзных вещах, дал ответ на этот вопрос. Дал он ответ и своей жизнью – жизнью личности, в культе личности не нуждающейся.

Глава шестая

Сравним ещё раз!

Проведём ещё одно сравнение... Возьмём периоды в два десятилетия, приходящиеся на времена, когда во главе России стояли такие исторические фигуры, как, например, Пётр Первый, Николай Первый, Александр Второй, Николай Второй и...

И, естественно, Сталин.

Итак...

Россия Петра..

1700 год... Позор первой Нарвы, ухмылки Европы, полное отсутствие современной науки и промышленности...

К 1710 году: основан Петербург, взята Нарва, одержана Полтавская победа... Россия имеет европейское значение, выходит первая русская газета «Ведомости», бурно развивается промышленность... Навигацкая школа готовит русские национальные кадры...

К 1720 году: Россия – морская держава с собственным судостроением, выигравшая в 1714 году славный Гангутский бой, а в 1720 году – Гренгамское сражение... Русские десанты доходили до Стокгольма, ставя предпоследние победные

точки в Северной войне... Россия уже имеет весьма мощную промышленность. Созданы предпосылки для учреждения в 1724 году Петербургской академии наук...

Россия Николая Первого...

1834 год: крестьянство – в «крепости»... Николай неумно вмешивается в «восточный вопрос», однако всё же заключён выгодный для России Ункиар-Искелесский русско-турецкий договор... Наука и промышленность развиваются медленно... В 1836 году император – по воспоминаниям инженера Дельвига – произнёс своё знаменитое: «Мне учёные не нужны. Мне нужны исполнители»...

К 1844 году: крестьянство – в «крепости»... Николай продолжает вмешиваться в «восточный вопрос», промышленность развивается медленно... Внешняя политика в руках Нессельроде, Россия погрязает в трясине внешних долгов, готовится продать свои калифорнийские владения в Америке... Выдающийся русский химик Николай Зинин в 1842 году синтезировал анилин восстановлением нитробензола, однако серьёзной государственной поддержки не имеет...

К 1854 году: ценой ещё больших внешних долгов Россия подавила европейскую революцию 1848–1849 годов... Крестьянство – в «крепости», промышленность развивается медленно, пренебрежение к строительству железных дорог приобрело преступный характер и во многом запрограмми-

ровало позор Крымской войны.

Россия Александра Второго...

1860 год: Россия недопустимо медленно и малоуспешно пытается преодолеть всесторонний кризис, вызванный Крымской войной, и готовится к «освобождению» крестьян в 1861 году сверху ввиду угрозы проведения этой реформы низами...

К 1870 году: по-прежнему недостаточно развивая науку и промышленность, Россия утрачивает фантастические геополитические перспективы, бездарно продав свои огромные владения в Северной Америке... Относительно успешной можно назвать лишь туркестанскую политику закрепления за Россией Средней Азии... Барон Лайонелл Натан Ротшильд стал финансовым агентом правительства Александра...

К 1880 году: проведя избыточную с точки зрения национальных интересов России Балканскую кампанию 1877–1878 годов, Россия окончательно увязает во внешних долгах, увеличив их за несколько лет втрое! Промышленность, наука, техника развиваются удручающе недостаточно... Благополучие народа абсолютно не соответствует ресурсам и возможностям России. Технический уровень армии, и особенно флота, в целом всё ещё низок.

Россия Николая Второго...

1894 год: начало царствования... Россию «дрейфуют» в сторону англо-французов в видах последующего стравливания её с Германией. Проникновение иностранного капитала в Россию принимает массовый характер, русские нефтеносные районы прибирают к рукам Нобели...

К 1904 году: в ближней перспективе – позор Цусимы и поражения в русско-японской войне; «стольпинские галстуки» – удавки виселиц; потеря половины Сахалина... Атмосфера во всём обществе накалена несправедливостью и бездарностью власти снизу доверху... Уровень экономического развития по-прежнему катастрофически отстаёт от уровня ведущих держав, хотя по валовым показателям Россия входит в их первую пятёрку. Половина населения страны неграмотна, система государственного народного образования фактически отсутствует.

К 1914 году: внешние долги приобрели характер кабалы, а влияние иностранного капитала носит уже почти колониальный характер... Россия Николая Второго – накануне ненужной ей войны, которая приведёт её к тотальной катастрофе.

В послепетровской истории царской России можно выделить лишь четверть века, пришедшиеся на развитую петровскую эпоху, когда жизненные цели, установки и усилия высшего национального лидера высоко совпадали с жизненно

наущными, коренными национальными интересами...

«Дщерь Петрова», «весёлая Елизавет», больше развлекалась, хотя и не препятствовала своим подданным служить России, изредка даже поощряя их. Но – не более того...

Екатерина Вторая – немка, ставшая русской, возвеличившая Россию, а с ней и себя, была в своём служении России непоследовательной... Стареющая самодержица, она под конец жизни окончательно запуталась в интригах любовников-прощелыг.

Её сын Павел – отнюдь не полусумасшедший и не изверг, как его часто представляют, был убит тогдашними «перестройщиками» по заказу англичан, не успев сделать многого из задуманного. Но и успев, не сравнился бы, конечно же, даже с Петром...

Об остальных, не упомянутых здесь, российских монархах после Петра нечего и говорить.

Но что обидно – и в послепетровской России XVIII века, и в России XIX – начала XX века, то есть во времена трёх Александров и двух Николаев, народ созидателей, народ Иванов да Марий, не исчезал... Он жил в верхах общества, жил и в низах...

Так, было немало людей в привилегированных или образованных слоях, которые и тогда служили России верно, умно и успешно... Военачальники Румянцев, Суворов, Кутузов, Багратион, Скобелев, администраторы Мордвинов, Ермолов, Инзов, Головнин, Муравьёв-Амурский, химики Бут-

леров, Марковников, Менделеев, Бородин (последний был ещё и выдающимся композитором), металлурги Соболевский, Аносов, Чернов, инженеры Вышнеградский, Журавский, Лодыгин, Славянов, Шиллинг, Шухов, Яблочков, мореплаватели Крузенштерн, Лисянский, Беллинсгаузен, Лазарев, флотоводцы Корнилов, Нахимов, Макаров, оружейники Гадолин и Мосин, исследователи новых земель Врангель и Невельской – это лишь малая часть представителей человечески и профессионально состоятельных верхов российского общества времён только пяти последних русских императоров.

Имена их человечески и профессионально состоятельных современников из народа в истории почти не сохранились... Даша Севастопольская, матрос Кошка, ещё несколько имён, и, пожалуй, всё... Но они были, эти безымянные великие сыны и дочери России – герои освоения Дальнего Востока и Русской Америки, обороны Севастополя и Петропавловска-Камчатского, мастерские «Русского дизеля» и Сормова, пролетарии Путиловского и Балтийского заводов...

Однако России Александров и Николаев народ Иванов да Марий не очень-то был и нужен – ей более подходил народишко Ванек и Манек, как подходит он и «элите» нынешней «России».

А вот Россия Сталина была бы без опоры на великий народ Ивана-да-Марьи просто невозможной!

И поэтому посмотрим на два десятилетия из истории ста-

линской России...

1930 год: начата первая пятилетка, но многие проекты почти срываются, типичны поломки ценного оборудования уже в период пуска... «Великий перелом» на селе привёл к тому, что половину скота и лошадей крестьяне в одночасье пустили «под нож». Россия в очередной раз на распутье...

К 1940 году: СССР – вторая индустриальная держава мира с небывало динамичной экономикой и мощно набирающим обороты крупно товарным кооперированным сельским хозяйством. Национальная система образования обеспечила быстрое развитие национальной науки и техники, Россия превращается в страну учащихся... В состав России возвращены Западные Украина и Белоруссия, Прибалтика, Бессарабия...

И ещё одно сталинское десятилетие – первое послевоенное...

1946 год: Россия победила в тяжкой войне, возвратила себе весь Сахалин и Курилы... Однако вся европейская её часть – в развалинах, и хотя за время войны экономический потенциал России в некоторых отношениях даже возрос, положение страны крайне сложно, уровень благосостояния народа низок, в ряде регионов немало людей живёт под угрозой голодной смерти... России грозит ядерное уничтожение...

К 1956 году: страна преобразилась и внешне, и по своим социально-экономическим показателям! Голод и разруха забыты... Могущество державы растёт год от года... Хотя

основная масса населения живёт ещё скромно, все честные, работающие люди смотрят в завтрашний день с уверенностью и обоснованным оптимизмом. Престиж образования и тяга к нему огромны, а возможности для образования у всех граждан – при желании и способностях – реальны. Россия – термоядерная и ракетная держава, которая через год пошлёт в космос первый искусственный спутник Земли...

Вот что могла совершать Россия под руководством первой фигуры русской истории – товарища Сталина.

Да, формально последние три года этого десятилетия Россия жила уже без Сталина, а на последний год десятилетия пришлось начало его хрущёвского шельмования... Однако рискнёт ли даже Александр-Леонид Минкин-Млечин утверждать, что успехи России в 1954–1956 годах не были подготовлены эпохой Сталина?

Глава седьмая

У истоков судьбы и эпохи

А когда началась эпоха Сталина? Пожалуй, она началась вместе с сознательной жизнью самого Сталина. Но раз так, нам надо обратиться к годам его становления.

Ведь все мы действительно родом из детства.

Передо мной – книга в строгом темно-вишнёвом переплёте с вытесненным потускневшей позолотой названием: «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография». Второе издание, исправленное и дополненное... Книга подписана к печати 16 января 1947 года, тираж – 1 000 000 экземпляров.

Это – единственная прилично изданная в СССР биография Сталина, которую открывает лучший, пожалуй, из всех фотопортретов ещё молодого Сталина. В нём нет ничего парадного, официального – стоячий воротник знаменитого френча расстёгнут... И лицо...

Глядя на него, я однажды написал:

В этом взгляде – эпоха,

До последнего вздоха.

И она – не мелка...

Смотрит издалека

Он —

Эпохи той суть,
Говоря:
«Что же, в путь!»

О начале эпохи, много позднее названной эпохой Сталина, его официальная биография сообщает так:

«СТАЛИН (Джугашвили) Иосиф Виссарионович, родился 21 декабря 1879 года в городе Гори, Тифлисской губернии. Отец его – Виссарион Иванович, по национальности грузин, происходил из крестьян села Диди-Лило Тифлисской губернии, по профессии сапожник, впоследствии рабочий обувной фабрики Адельханова в Тифлисе. Мать – Екатерина Георгиевна – из семьи крепостного крестьянина Геладзе села Гамбареули.

Осенью 1888 года Сталин поступил в Горийское духовное училище. В 1894 году Сталин окончил училище и поступил в том же году в Тифлисскую православную семинарию».

Моя книга, уважаемый читатель, не относится к биографическому жанру. Но можно ли понять исторический масштаб даже известной всем исторической личности, если мы пребываем в неведении относительно её молодых лет?.. Кто-то из великих однажды заметил, что писатель-романист наделяет своего главного героя значительностью, умом, талантом, яркой незаурядностью, а история в этом отношении неразборчивей – она берёт того, кто оказывается под рукой.

Сказано остроумно, а в отношении многих «исторических» фигур типа Гришки Отрепьева, Мишки Горбачёва, Тьера, Керенского, Трумэна, Ельцина и его ельциноидных последышей – верно.

Однако вышеприведённая мысль верна лишь в отношении истории, но не в отношении Истории с большой буквы... Эта Большая История выдвигает в выдающиеся исторические эпохи на первый план такие реальные фигуры, облику и судьбе которых позавидует фантазия самого талантливого романиста! Македонский и Цезарь, Карл Великий и Ярослав Мудрый, Людовик XI и Иван Грозный, Генрих IV и Пётр I с Екатериной II, Наполеон и Бисмарк, Махатма Ганди и Кастро – о каждом из них можно написать увлекательный роман, главный герой которого будет интересен и значителен прежде всего как личность, как человек, а не как исторический персонаж...

Что уж говорить о Ленине, о Сталине! Их верные и полные психологические портреты – при всей цельности и целеустремлённости натур обоих – должны содержать множество тонов, полутонов и сложное, диалектическое смешение различных красок и оттенков.

Но в мою задачу не входит намерение дать развёрнутый психологический портрет Сталина. И если я буду касаться этой стороны вопроса, то тоже – в связи с основной целью: показать не просто выдающуюся роль Сталина в русской истории, а роль не отменяемо первую – даже по сравнению с

Лениным. Однако как тут обойтись вообще без «психологии»? А она тоже начинается с детства...

О детских годах тех, кто вошёл в Историю, придя на её «бельэтаж» с социального «чердака», всегда имеется много вымыслов и домыслов, но мало точной информации. И побасёнок о детских годах Сталина при желании можно начитаться в достатке. Тем не менее не приходится сомневаться, что детство у юного Сосо Джугашвили лёгким не было уже потому, что он родился в семье небогатой. Но первые годы его жизни не были наверняка и нищими, потому что – по позднему публичному свидетельству самого Сталина – его отец был не просто отличным сапожником, а владельцем мелкой сапожной мастерской. Разорившись, он вернулся работать на обувную фабрику Адельханова, однако мечтал о возврате из пролетарского в мелкобуржуазное состояние...

Американский политолог, профессиональный дипломат Роберт Такер написал в 1973 году одно из наиболее, пожалуй, интересных зарубежных исследований о Сталине. При этом Такер, так сказать, «честно» не понял ни сути эпохи Сталина, ни роли Сталина в ней, даром что со второй половины 40-х и почти до середины 50-х годов жил в Москве и даже женился в 1946 году на русской. И вполне типично то, что Такер излагает сведения о горийских годах юного Сосо по книге некоего тёзки Сталина – Иосифа Иремашвили «Сталин и трагедия грузин», изданной в 1932 году на немецком языке в Берлине. Иремашвили учился вместе с Сосо

Джугашвили в Горийском духовном училище, позднее стал меньшевиком, а с установлением в Грузии Советской власти – эмигрантом. Пренебрегать его положительными сведениями о Сталине нельзя – Иремашвили действительно хорошо знал Сталина в детстве. Но вряд ли разумно будет воспринимать как достоверные практически все негативные сведения о жизни и натуре Сосо, исходящие от Иремашвили. Слишком уж специфическими оказались и судьба тёзки Сталина, и время и место выхода его книги, чтобы верить тому плохому, что эмигрант-меньшевик написал о Генеральном секретаре партии большевиков.

Ну, в самом-то деле! С одной стороны, Иремашвили утверждает, что квартира Сосо стала его вторым домом. С другой же стороны, он пишет, что дома у Сосо вечно были пьяные скандалы отца, сопровождавшиеся избиениями жены и сына. Но вряд ли один Сосо оставался бы охотно в гостях у другого Сосо, если бы это было так на деле. Сам Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом сказал коротко: «Мои родители были необразованные люди, но обращались со мной вполне неплохо...»

И что уж говорить о «сведениях» Эдварда Радзинского, который ссылается на «воспоминания» некоей Ханы Мошиашвили – 112-летней (!) грузинской еврейки, в 1972 году переехавшей в Израиль, которая якобы знала мать Сталина и «поведала» о якобы «жуткой семейной жизни» своей «подруги»?!

О подлинном же Сосо достоверно свидетельствует такой источник, как «Духовный вестник Грузинского экзархата», где в перечне учеников Горийского духовного училища, переходивших из класса в класс «по первому разряду», из года в год фамилия Джугашвили стояла первой. Юрий Васильевич Емельянов, автор отличного исследования о Сталине, справедливо замечает по этому поводу, что похвальные листы выдавали лишь при наличии отличной отметки по поведению, и это никак не укладывается в облик угрюмого строптивца и т. д.

Зато портрет худого, но крепкого мальчика с упорным *безбоязненным* взглядом живых темных глаз и с гордо откинутой головой, данный Иремашвили, явно точен. А место для становления характера будущего гения власти судьба выбрала умно.

Грузинский город Гори расположен у слияния горных рек Куры, Большой Лиахви и Меджуды в 76 километрах от Тифлиса (Тбилиси). «Стрелки» рек – это всегда, как сейчас говорят, энергетически благоприятные точки земного шара. Но слияние трёх горных рек – это нечто особое. Причём бурное течение ледяной воды не очень-то располагает к обучению плаванию. Возможно, поэтому, а также потому, что в детстве Сталин получил травму руки, плавать он так и не научился. Но жизнь на берегу Куры и созерцание Куры не могло не отпечататься в его сознании и подсознании глубоко.

Любая крупная река – это судьба и самой реки, и людей, на

ней живущих. У полуторатысячекилометровой Куры – тоже своя судьба. Начавшись в горах Турции, она стекает на русский горный Кавказ, протекает через Гори, Тбилиси и далее спускается в низменную зону Азербайджана, а там питает болотистые Ширванскую, Мильскую, Муганскую степи, принимает в себя в нижнем течении Аракс и около Байрамлы не прорывается напрямую к Каспию, а резко спадает вниз, чтобы впасть в него в ста с лишним километрах к югу от Баку.

Конечно, Сталин, изучая географию, узнал об этом рано, а имея пытливый ум, он – как я понимаю – не раз устремлялся мыслью за течением Куры, и это течение мысли уводило его далеко.

Гори – это ещё и горы. Собственно, название города и означает по-грузински «холм, гора»...

А горы – это тоже особая судьба, особый строй мысли и чувств. Недаром Сталин, говоря о Ленине после его смерти, раз за разом сравнивал его с горным орлом. И это – явно образ из детства Сталина.

Сталин сам был орлиной породы, и то, что в его мальчишечьем восприятии символом яркой жизни стал именно орёл, говорит о нём, как о человеке, на мой взгляд, много больше, чем различные «воспоминания».

Сегодня о Гори тех лет, когда по его улицам ходил юный Сосо, узнать что-то не так просто, если, например, не заглянуть в 17-й том Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона за 1893 год, где мы можем прочесть...

Но перед тем как сообщать о том, что я там прочёл, хотелось бы уведомить читателя о следующем... Открыв этот том, я с удивлением обнаружил, что – во всяком случае в нём – буква «Ё» тоже отсутствует. В издании-то 1893 года! А все источники относят время её упразднения к послереволюционной реформе правописания 1917–1918 годов. Тёмная всё же история получается со звонкой русской буквой «Ё»... Скажем, современный «россиянский» историк Геннадий Костырченко, автор монографии «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм», изданной в 2001 году при финансовой поддержке Российского Еврейского Конгресса, излагая историю восстановления в правах буквы «Ё» Сталиным, почему-то намекает на «завуалированный личный антисемитизм» Сталина... Странно, господа-с, странно...

Вернёмся, впрочем, к сведениям о Гори конца позапрошлого века:

«Гори... у[ездный]. г[ород]. Горийского у[езда]., Тифлисской губ[ернии]., расположен при впадении (текст приведён в современном написании, включая отсутствие буквы «Ё»; у Брокгауза – «впаденіи» и т. д. – С.К.) рр. Лиахвы и Меджуды в Куру, в 72 в[ерстах]. от Тифлиса, на Закавказской жел[езной]. дор[оге]., на высоте около 2000 фут[ов]. н[ад]. ур[овнем]. м[оря]., у подошвы горы, увенчанной развалинами древней крепости Горисцихе, которая, по преданию, основана ещё византийскими императорами, во время войны с Персией... Время основания Г[ори]. в точности

неизвестно; во всяком случае, крепость существовала раньше города...»

Брокгауз же сообщает, что в грузинской летописи Гори упоминается, по одним данным, в VII веке, а по другим – впервые в царствование Тамары. По армянским источникам, город был основан в 1123 году Давидом Возобновителем и населён армянами, искавшими в Грузии убежища. В XVI веке городом и крепостью овладели турки. В 1599 году царь Симон отвоевал Гори обратно, а когда царь Ростом пошёл под руку персов, шах Сейф поставил в Горисцихе персидский гарнизон. В 1710 году, при Вахтанге VI, здесь снова были турки, а позднее шах Надир, отняв Грузию у турок, разрушил Гори, и лишь в 1801 году, после присоединения Грузии к России, Гори стал весьма процветающим живописным уездным городом с грузино-армяно-русским населением около 8 тысяч.

В конце XIX века Максим Горький, путешествуя по Грузии, заглянул и в Гори.

26 ноября 1896 года газета «Нижегородской листок» опубликовала его очерк, где были и такие строки: «Знойное небо над городом, буйные и мутные волны Куры около него, неподалёку горы, в них какие-то правильно расположенные дыры – это пещерный город, – и ещё дальше, на горизонте, вечно неподвижные белые облака – это горы главного хребта, осыпанные серебряным, никогда не тающим снегом».

Надеюсь, читатель не будет на меня в претензии за та-

кую подробную справку по старому Гори. Мало того, что она небезынтересна сама по себе, она к тому же позволяет нам лучше понять ту атмосферу, в которой рос Сталин. Ему – при его-то творческой, незаурядной натуре – не надо было читать толстые фолианты, чтобы проникнуться духом Истории и её великих событий...

Мысль и душа мальчика парили в горних высях, свободно перемещаясь из одной бурной эпохи в другую, но телу приходилось жить реальностями царской национальной окраины. И они оставляли Сосо единственный путь к образованию: то самое Горийское духовное училище, в которое он поступил осенью 1888 года. К слову, Брокгауз указывает среди учебных заведений в Гори конца XIX века лишь женскую прогимназию и Закавказскую учительскую семинарию с татарским отделением, о духовном училище умалчивая.

Ни в первое, ни во второе из этих заведений Сталин поступить не мог (во второе – по причине отсутствия начального образования), так что для девятилетнего грузина из обедневшей грузинской семьи выбора не было. Духовное училище – это был шанс на будущее. Это понимала прежде всего мать – её натура на формировании характера сына явно сказалась, и сказалась благотворно. Екатерина Геладзе несомненно желала для сына карьеры священника, однако нельзя исключать, впрочем, и того, что впечатлительный и охваченный высоким порывом мальчик переступил порог училища в той или иной мере сознательно, взыскуя духовных истин...

Имеет ли кто-либо право ухмыльнуться на такое предположение? Сосо Джугашвили было всего девять лет, и, в конце концов, он ведь не в купеческую лавку пошёл, будучи и до поступления в училище безусловно грамотным, а в обиталище Высшего – как ему тогда представлялось – Духа... Важно то, что он смолоду желал жить жизнью, наполненной служением высокой идее, и именно так он свою жизнь и прожил.

Как я уже сказал, я пишу не биографию. И поэтому далее сообщу кратко лишь следующее... В четырёхклассном Горийском духовном училище Иосиф Джугашвили проучился шесть лет – сказалась попытка отца сделать из сына сапожника, для чего он временно забирал его с собой в Тифлис.

А 2 сентября 1894 года Иосиф поступает в первый класс Тифлисской духовной семинарии, чтобы блестяще проучиться в ней почти пять лет и быть исключённым из неё 29 мая 1899 года за пропаганду марксизма.

Кобе – двадцать лет, но он уже почти сформировавшийся профессиональный революционер, причём явно большевистского толка, хотя в то время ещё и понятия «большевик» не существовало.

Сам Сталин в предисловии к первому тому своего Собрания сочинений писал в январе 1946 года, что его ранний период деятельности (1901–1907) пришёлся на период, «когда выработка идеологии и политики ленинизма не была ещё закончена...» Однако Сталин шёл к ленинизму и большевизму в немалой степени даже помимо Ленина – самостоятельно.

но. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть передовую статью, опубликованную Кобой в сентябре 1901 года в первом номере газеты «Брдзола» («Борьба») от имени редакции. Газета вышла в Баку, а 11 ноября 1901 года Сталин, ещё с марта перешедший на нелегальное положение, избирается в состав первого Тифлисского комитета РСДРП и в конце ноября направляется в Батум для создания там социал-демократической организации.

5 апреля 1902 года его впервые арестовывают, и он полтора года отсидживает вначале в батумской, потом в кутаисской, а затем – опять в батумской тюрьме, откуда его 27 ноября 1903 года высылают по этапу в первую сибирскую ссылку, в село Новая Уда Балаганского уезда Иркутской губернии.

5 января 1904 года Сталин совершает свой первый в жизни побег, в феврале приезжает в Тифлис, и начинается активнейший период его нелегальной организаторской деятельности в Закавказье, прервавшийся лишь 25 марта 1908 года, когда Сталин под именем Гайоза Нижарадзе был арестован в Баку и заключен в Баиловскую тюрьму.

К этому времени он уже прочно входит в ленинское ядро партии, на I Всероссийской конференции большевиков в Финляндии, в Таммерфорсе, знакомится с Лениным, в апреле 1906 года участвует в работе IV «Объединительного» съезда в Стокгольме, а через год – в работе V Лондонского съезда. Замечу, что позднее Сталину приходилось бывать за границей ещё не раз, жить, например, в Вене, в Берлине, од-

нако нередко приходится сталкиваться с ложью злонамеренных «биографов» насчёт того, что Сталин якобы никогда за границей не был и зарубежной жизни не знал...

Знал! И весьма неплохо.

Знал «Коба Иванович» (или – просто «Иванович») неплохо и царские тюрьмы. А как он там себя показал, можно судить хотя бы по свидетельству Семена Верещака, бывшего эсера, а в двадцатые годы – эмигранта. В парижской газете Керенского «Дни», в номерах за 22 и 24 января 1928 года, Верещак опубликовал о Сталине два фельетона.

Что мог, казалось бы, написать о Сталине его политический враг? А вот что...

«Я был ещё совсем молодым, когда в 1908 году Бакинское жандармское управление посадило меня в бакинскую Баиловскую тюрьму. Тюрьма, рассчитанная на 400 человек, содержала тогда более 1500 заключённых.

Однажды в камере большевиков появился новичок. И когда я спросил, кто этот товарищ, мне таинственно сообщили: «Это Коба» (Сталину было тогда тридцать лет. – С.К.).

Живя в общих камерах, поневоле сживаешься с людьми и нравами. Тюремная обстановка накладывает свой отпечаток на людей, особенно на молодых, берущих примеры со старших. Бакинская же тюрьма имела огромное влияние на новичков. Редкий молодой рабочий, выйдя из этой тюрьмы, не

делался профессионалом-революционером. Это была пропагандистская и боевая революционная школа. Среди руководителей собраний и кружков выделялся и Коба как марксист. В синей косоворотке, с открытым воротом, всегда с книжкой...»

Верещак имел революционное прошлое, и, очевидно, поэтому у него не нашлось моральных сил клеветать на собственную молодость. Очевидно, поэтому и его портрет молодого Сталина вышел на удивление впечатляющим.

Я продолжаю цитирование:

«В личных спорах Коба участия не принимал и всегда вызывал каждого на «организованную дискуссию». Эти «организованные дискуссии» носили перманентный характер.

Марксизм был его стихией, в нём он был непобедим. Не было такой силы, которая выбила бы его из раз занятого положения. На молодых партийцев такой человек производил сильное впечатление. Вообще же в Закавказье Коба слыл как второй Ленин. Отсюда его совершенно особая ненависть к меньшевикам. По его мнению, всякий, называющий себя марксистом, но толкующий Маркса не по-большевистски – прохвост.

Он всегда активно поддерживал зачинщиков. Это делало его в глазах тюремной публики хорошим товарищем. Когда в 1909 году, на первый день пасхи, 1-я рота Сальянского полка пропускала сквозь строй, избивая, весь политический корпус, Коба шёл, не сгибая головы под ударами прикладов, с книжкой в

руках»...

Вот так!

К слову, если всмотреться в помещаемую иногда в книги о Сталине сыскную карточку И.В. Джугашвили из архивов царской охранки (фото сбоку, анфас, стоя), где мелкими буквами набрано: «рост 1 метр ___ сант.», то можно разобрать, что перед типографским «санти.» от руки проставлено «74».

Вполне средний рост. А сколько раз приходилось читать и слышать о «карлике» Сталине ростом в 155 и даже ниже сантиметров!

9 ноября 1908 года Сталина высылают из Баку в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции сроком на два года. Далее работает испытанная схема: 24 июня 1909 года он нелегально покидает Сольвычегодск и вскоре опять оказывается в Закавказье.

С 1910 года Коба – уполномоченный ЦК, «агент ЦК». Однако 23 марта этого года его арестовывают под именем Захара Григоряна Меликянца и после полугодовой отсидки в Баилове опять высылают в Сольвычегодск.

Оттуда он через Вологду нелегально выезжает в Петербург, где его 9 сентября 1911 года арестовывают и заключают в Петербургский дом предварительного заключения, после чего следует высылка в Вологду сроком на три года.

А в январе 1912 года Сталин на шестой Пражской общепартийной конференции заочно избирается членом Цен-

трального комитета РСДРП(б) и параллельно – руководителем Русского бюро ЦК для практического руководства революционной работой в России.

Это даже формально делало Сталина, пожалуй, вторым человеком в партии после Ленина. Для личной информации о решениях Пражской конференции к Сталину в Вологду приезжает Орджоникидзе, и 29 февраля 1912 года Сталин в очередной раз переходит на нелегальное положение. И вновь: Баку, Тифлис, Москва, Петербург...

Глава восьмая

Мастер революции и борьбы

22 апреля 1912 года вышел первый номер «Правды» со статьёй Сталина «Наши цели». Сталин писал: «...мы отнюдь не намерены замазывать разногласий, имеющихся среди социал-демократических рабочих. Более того, мы думаем, что мощное и полное жизни движение невысказано без разногласий, – только на кладбище осуществимо «полное тождество взглядов»...»

Знающие эпоху Сталина поверхностно по прочтении этих слов могут ухмыльнуться – мол, вот для того, чтобы осуществить «полное тождество взглядов» в СССР, Генсек и превратил-де впоследствии всю страну в подобие кладбища.

Но зубоскалить подобным образом могут лишь те, кто пробавляется мифами о Сталине и его делах, не имея документальной информации или злостно игнорируя её. На самом же деле Сталин был в полном смысле этого слова толерантен (то есть терпим) по отношению к чужим заблуждениям, но – лишь к, так сказать, искренним заблуждениям. Современное понятие «толерантность» происходит от латинского «tolerantia» – «терпение». И Сталин – я готов это повторять и повторять – был в высшей степени *терпелив* по отношению к Троцкому, Томскому, Зиновьеву, Каменеву, Рыкову, Бухарину и прочим, им подобным...

Лишь неоднократно убедившись в их дальнейшей неспособности к лояльному сотрудничеству в интересах державы, в их предательстве, двоедушии и двурушничестве, он шёл на их устранение – не в силу мстительности, а в силу исторической необходимости.

Вот пример: 17 апреля 1923 года открывался XII съезд РКП(б). Когда в зале появился Лев Троцкий в сопровождении Карла Радека, Клим Ворошилов крикнул: «Вот идёт Лев, а за ним его хвост!»

Радек тогда в неумеренном печатном восхвалении Троцкого доходил до прямого лакейства – прошу читателя поверить мне на слово. Так что горячий и острый на язык Ворошилов (в молодости он взял себе партийную кличку «Анти-меков», что означало «Против «меков», меньшевиков) был прав, хотя выразил свои чувства и грубовато.

А вот как ответил – письменно, что уже исключало запальчивость, – Радек. Он распространил среди делегатов съезда следующее неостроумное, но злобное четверостишие:

У Ворошилова тупая голова.
Все мысли в кучу свалены.
И лучше быть хвостом у льва,
Чем ж... у Сталина.

Сталин тогда заметил, что у Радека не язык подчинён ему, а он – языку.

Тем дело и ограничилось, и Радек-Собельсон долгое время находился в высшем руководстве, отправившись в 1936 году в тюремную камеру отнюдь не за те давние стишки... В 1934 году он, между прочим, писал о Сталине: «К сжатой, спокойной, как утёс, фигуре нашего вождя шли волны любви и доверия...» и т. д.

Вернёмся, впрочем, в день 22 апреля 1912 года. В этот день выхода первого номера «Правды» Сталина арестовывают и 2 июля высылают в Нарымский край сроком на три года.

И опять он бежит – почти сразу. Добравшись до невской столицы, всю осень 1912 года ведёт активную работу, а в ноябре Ленин вызывает его в Краков – тогда австро-венгерский. Вернувшись в Петербург, Сталин вскоре – опять по вызову Ленина – едет в Краков и Вену, а по возвращении в Россию вместе со Свердловым реорганизует «Правду».

Но 23 февраля 1913 года Кобу арестовывают в очередной и последний раз.

2 июля 1913 года он высылается по этапу в Туруханский край, а в марте 1914 года его переводят ещё дальше – за полярный круг в «станок» (посёлок) Курейка.

В Россию его вернула лишь Февральская революция в Петрограде.

Как жил Сталин в Сибири? Вот письмо молодого Кобы из туруханской ссылки, написанное им весной 1914 года Григорию Зиновьеву – тогда соратнику Ленина:

«20 мая. Дорогой друг! Горячий привет вам, В.

Фрею (один из псевдонимов Ленина. – С.К.). Сообщаю ещё раз, что письмо получил. Получили ли мои письма? ещё раз прошу прислать книжки Штрассера, Панекука и К.К. Очень прошу прислать какой-либо (общественный) английский журнал (старый, новый, все равно – для чтения, а то здесь нет ничего английского и боюсь растерять без упражнения уже приобретенное по части английского языка). Присылку «Правды» почему-то прекратили, – нет ли у вас знакомых, через которых можно было бы добиться её регулярного получения... Привет супруге Вашей и Н. (Крупской. – С.К.). Крепко жму руку... Я теперь здоров...»

А вот ещё письмо того же периода, направленное в ноябре 1915 года в заграничный большевистский центр:

«Дорогой друг! Наконец-то получил ваше письмо. Думал было, что совсем забыли раба божьего, – нет, оказывается, помните еще. Как живу? Чем занимаюсь? Живу неважно. Почти ничем не занимаюсь. Да и чем тут заняться при полном отсутствии или почти полном отсутствии серьёзных книг? Что касается национального вопроса, не только «научных трудов» по этому вопросу не имею (не считая Бауэра и пр.), но даже выходящих в Москве паршивых «Национальных проблем» не могу выписать из-за недостатка денег. Вопросов и тем много в голове, а материалу – ни зги. Руки чешутся, а делать нечего. Спрашиваете о моих финансовых делах. Могу сказать, что ни в одной ссылке

не приходилось жить так незавидно, как здесь. А почему вы об этом спрашиваете? Не завелись ли у вас случайно денежки и не думаете ли поделиться ими со мной? Что ж, валяйте! Клянусь собакой, это было бы как нельзя более кстати...

А как вам нравится выходка Бельтова (Г. Плеханова. – С.К.) о «лягушках» (Плеханов сравнил с ними большевиков. – С.К.)? Не правда ли: старая, выжившая из ума баба, болтающая вздор о вещах для неё совершенно непостижимых.

Видел я летом Градова (Л.Б. Каменева. – С.К.) с компанией. Все они немножечко похожи на мокрых куриц. Ну и «орлы»!..

Не пришлёте ли чего-либо интересного на французском или на английском языке? Хотя бы по тому же национальному вопросу. Был бы очень благодарен.

На том кончаю. Желаю вам всего-всего хорошего.

Ваш Джугашвили».

Но перед сибирской ссылкой были и другие... 16 июля 1911 года Сталин, арестованный 23 июня в Сольвычегодске и 27 июня освобождённый, приезжает на жительство в относительно близкую к Петербургу Вологду, поскольку ему было запрещено проживание на Кавказе, в столицах и фабрично-заводских центрах.

К «вологодскому» периоду относится его знакомство с 17-летней гимназисткой Пелагеей Онуфриевой, невестой друга и соратника Кобы по революционной борьбе Петра Чижико-

ва, родом из крестьян Орловской губернии. Ученица седьмого класса Тотемской гимназии, она 23 августа приехала к жениху в гости.

6 сентября Сталин негласно выехал в Петербург и прописался там по паспорту П.А. Чижикова. На следующий день он встретился с большевиками С. Тодрия и С. Аллилуевым, а 9 сентября был арестован, помещён в Петербургский дом предварительного заключения, откуда 14 декабря был выслан опять в Вологду сроком на три года под гласный надзор полиции.

Я не останавливался бы так подробно на одной из многочисленных коллизий жизни Сталина-революционера, если бы не некоторые детали, характеризующие натуру Сталина, связанные с тем периодом.

Когда он уезжал в Петербург, Онуфриева подарила ему свой нательный крестик с цепочкой и попросила на память фотографию. Фотографии Кобы красавица-крестьянка (ее отец был состоятельным крестьянином из Сольвычегодского уезда) по понятным причинам не получила, зато Сталин подарил ей книгу «Очерки западноевропейской литературы» с надписью: «Умной, скверной Поле от чудака Иосифа».

Вернувшись из Северной столицы в Вологду не по своей воле, Сталин сразу же появился у Чижикова и в тот же день отправил Онуфриевой в Тотьму открытку с изображением Афродиты, где писал:

«24 декабря. Ну-с, «скверная» Поля, я в Вологде и

целуюсь с «дорогим», «хорошим» «Петенькой». Сидим за столом и пьём за здоровье «умной» Поли. Выпейте же и вы за здоровье известного Вам «чудака» Иосифа».

Но пробыл в Вологде Сталин недолго. В январе 1912 года на VI (Пражской) партийной конференции 33-летний Сталин заочно избирается членом ЦК партии большевиков, а в середине февраля к нему в Вологду по поручению Ленина приезжает член Русского бюро ЦК Орджоникидзе – для личной информации Сталина о решениях, принятых в Праге.

И 29 февраля 1912 года Сталин бежит из ссылки. Незадолго до этого он посылает Пелагее Онуфриевой в Тотму открытку:

«Уваж-мая П.Г.! Ваше письмо передали мне сегодня, и я тотчас направил его по адресу, т. е. на станцию Лугтомга Северной ж.д. (там служит Петька). По старому адресу больше не пишите... Если понадобится мой адрес, можете получить у Петьки. За мной числится поцелуй, переданный мне через Петьку. Целую Вас ответно, да не просто целую, а горячо (просто целовать не стоит). Иосиф».

Говорят: «Стиль – это человек»... Мысль очень уж рафинированная и не очень-то верная. Человек – прежде всего поступок. Недаром в известной формуле «Посеешь поступок – пожнёшь привычку, посеешь привычку...» и т. д. именно поступок является тем «зерном», из которого произрастает вся судьба человека. Однако стиль действительно

многое способен сказать о характере человека и всей его натуре. И из стиля писем раннего Сталина, да и позднего тоже видна натура живая, немного ироничная по отношению как к другим, так и к себе, абсолютно лишённая позы и тревоги насчёт того, какое впечатление остаётся о тебе у других... Возможно, «записные» литературоведы и взъедятся на меня, но я бы назвал стиль писем (именно писем!) Сталина схожим в чем-то со стилем пушкинских писем. Но – только писем! Их роднит естественность, самоирония без самоуничужения и несомненное духовное здоровье.

Если вернуться к моменту побега Сталина из вологодской ссылки, то далее его жизнь разворачивалась весной 1912 года так...

В марте он был в Тифлисе и Баку, где провёл ряд совещаний, а 1 апреля выезжает из Баку в Петербург, куда приезжает 10 апреля. Находясь на нелегальном положении, он редактирует большевистскую газету «Звезда» и пишет для неё много статей («Новая полоса», «Жизнь побеждает!», «Они хорошо работают...», «Тронулась!...»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.